МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

ДВѢНАДЦАТЬ КНИГЪ

РИТОРИЧЕСКИХЪ НАСТАВЛЕНІЙ.

Переведены съ Латинскаго

Императорской Россійской Академіи Членомъ

Александромъ Никольскимъ

и оною Академіею изданы.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Императорской Россійской Академіи.

1834.

МАРКА ФАБІЯ КВИНТИЛІАНА

НАСТАВЛЕНІЯ

ВЪ ПОЛЬЗУ УЧАЩИХЪ И УЧАЩИХСЯ КРАСНОРѢЧІЮ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА I.

О ИЗОБИЛІИ СЛОВЪ.

I. Способность хорошо говорить снискивается чтеніемъ, писаніемъ, частымъ упражненіемъ по дѣламъ судныъ (Къ чтенію относится слушаніе и подражаніе; къ писанію поправки и размышленіе). Оратору нужно запастись пособіями, которыя состоятъ въ обиліи мыслей и выраженій. II. Обиліе словъ и выраженій должно снискивать съ разборомъ.—Пріобрѣтается же слушаніемъ и чтеніемъ. Какихъ Авторовъ и какъ читать надобно. Сколько и въ чемъ могутъ быть Оратору полезны Стихотворцы, — Историки, — Философы. IV. О чтеніи древнихъ и новѣйшихъ Писателей. — Разныя объ нихъ мнѣнія. V. Изъ Греческихъ лучшихъ Авторовъ каждаго достоинство означаетъ. 1.) Стихотворцевъ: Лириковъ, Элегіаковъ, Ямбиковъ, Трагиковъ, Комиковъ, 2.) Историковъ, 3.) Ораторовъ, 4.) Философовъ. VI О Латинскихъ писателяхъ говоритъ въ такомъ же порядкѣ.

I. Вышеизложенныя правила, сколько ни нужны для учащихся, не могутъ еще сдѣлать ихъ истинно краснорѣчивыми Ораторами, если

не пріобрѣтутъ той постоянной способности, которая у Грековъ *Exis* называется. Мнѣ извѣстны обыкновенные вопросы, писаніемъ ли, чтеніемъ, или дѣйствительнымъ упражненіемъ въ судныхъ рѣчахъ болѣе снискивается такая способность. Надлежало бы намъ войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе сихъ статей, если бы могли мы удовольствоваться которою нибудь одною изъ нихъ. Но всѣ онѣ неразрывно связаны между собою, такъ что, вознерадѣвъ объ одной, напрасно будемъ трудиться надъ прочими. Ибо Краснорѣчіе наше никогда не достигнетъ до настоящей твердости и силы, ежели не подкрѣпимъ его прилѣжнымъ упражненіемъ въ писаніи: равно и трудъ нашъ въ сочиненіи, не будучи руководимъ образцами, чтеніемъ доставляемыми, останется тщетенъ. А тотъ, кто хотя бы и зналъ, что̀ и какъ сказать, но не имѣлъ бы способности говорить на всякой встрѣтившійся ему случай, тотъ походилъ бы на человѣка, сидящаго на запертомъ сокровищѣ.

Хотя же изъ сихъ пособій одно другаго нужнѣе учащемуся, но изъ того не слѣдуетъ, чтобы могло оно болѣе способствовать сдѣлаться Ораторомъ. Безъ сомнѣнія, говорить относится прежде всего къ должности Оратора; и вотъ, конечно начало Риторскаго искусства: за тѣмъ слѣдовало подражаніе: а класть рѣчи на письмо,

было уже послѣднее попеченіе. Но какъ, не сдѣлавъ начала, достигнуть конца не можно; такъ по мѣрѣ продолженія и усовершенія начатаго дѣла, первыя вещи становятся уже не столь важными.

Я здѣсь говорю не о томъ, какъ образовать Оратора (о семъ довольно, или сколько позволяла мнѣ возможность, изъяснено выше). Мое намѣреніе наставить, какимъ образомъ, какъ лучше и какъ удобнѣе производить въ дѣйствіе то, что́ онъ знаетъ уже, какъ изобрѣтать и располагать мысли, какъ избирать и употреблять приличныя слова и выраженія: онъ, подобно Атлету, перенявшему всѣ уже пріемы отъ своего учителя, требуетъ только наставленія, какимъ родомъ упражненія долженъ приступить къ состязанію. Итакъ нѣтъ сомнѣнія, что Оратору нужно для сего запастись нѣкоторыми пособіями, могущими служить ему въ пользу, когда потребуетъ надобность. Сіи пособія состоятъ въ изобиліи мыслей и словъ.

II. Мысли для каждаго предмета должны быть собственныя, особенныя, или для немногихъ общія; слова же вездѣ потребны: ежели бы всякой вещи было особенное и точное слово, мы бы меньше затруднялись; ибо тогда слова вмѣстѣ съ предметами тотчасъ бы намъ попадались. Но какъ однѣ изъ нихъ значительнѣе другихъ,

или красивѣе, или сильнѣе, или доброзвучнѣе; то и должны быть не только всѣ извѣстны, но и быть въ готовности и, такъ сказать, подъ руками, дабы, по благоразумному выбору говорящаго, могли безъ запинки употреблены быть самыя лучшія.

Знаю, что нѣкоторые Ораторы имѣютъ привычку собирать и выучивать слова, тожде значащія, дабы съ меньшимъ трудомъ найти хотя одно изъ многихъ, и дабы употребивъ которое нибудь, для избѣжанія на близкихъ мѣстахъ повтореній, имѣть въ готовности другое, подъ коимъ бы тоже разумѣть можно было; средство дѣтское, бѣдное, и притомъ мало полезное: ибо набираютъ кучу словъ, чтобъ только взять, безъ всякаго различія, первое, пришедшее въ голову.

По мнѣнію же нашему, надлежитъ запасаться обиліемъ словъ съ разборомъ, съ разсудкомъ; поелику сила Краснорѣчія отнюдь не состоитъ въ безостановочномъ болтаньи. И мы обогатиться нужными выраженіями иначе не можемъ, какъ читая и слушая что-либо лучшее. Тогда узнаемъ не только собственныя названія вещей, но и мѣста, гдѣ употреблять ихъ приличнѣе. Ибо всѣ почти слова, исключая малаго числа неблагопристойныхъ, могутъ быть въ рѣчи помѣщаемы; да и сіи у Стихотворцевъ, пи-

савшихъ Ямбами, и также въ старинныхъ комедіяхъ часто встрѣчаются кстати и безъ оскорбленія цѣломудрія. Но Ораторъ свое сочиненіе долженъ оградить отъ всякаго порицанія. Всѣ слова, кромѣ сказанныхъ, хороши на своихъ мѣстахъ: иногда нужны и низкія и простонародныя; и тѣ, кои въ чистомъ слогѣ кажутся грубыми, употребляются кстати, когда предметъ того требуетъ.

Умѣть различать ихъ, и узнавать не только точное ихъ знаменованіе, но и наружную ихъ форму и мѣру, также гдѣ приличнѣе помѣщены быть могутъ, иначе не научимся, какъ чрезъ прилѣжное чтеніе и внимательное слушаніе; поелику всякой языкъ перенимаемъ сперва наслышкою. Для сего-то младенцы, по повелѣнію нѣкоторыхъ Государей, нѣмыми кормилицами и въ удаленіи отъ сообщества людей воспитанные, хотя и произносили, какъ сказываютъ, какія-то слова, однако лишены были способности порядочно изъясняться.

Есть и такія реченія, которыя разными словами одно и тоже означаютъ, такъ что знаменованіе ихъ ни мало не измѣняется, которое ни употребишь, напримѣръ, *ensis* и *gladius*, *мечъ* и *шпага*. Другія же, хотя и разнымъ вещамъ приличествуютъ, однако посредствомъ тропа даютъ уму тоже понятіе, какъ *ferrum* и *mucro*,

желѣзо и *остріе меча.* Равно, чрезъ Катахризисъ, называются *Sicarii, кинжальники, смертоубійцы,* всѣ тѣ, кои учинили убійство, какимъ бы то ни было оружіемъ. Многія вещи означаемъ иногда окольными словами (circuitu verborum), какъ у Виргилія: *Et pressi copia lactis,* вмѣсто того, чтобъ сказать *сыръ.* Часто выражаемъ тоже, другими только реченіями: *Знаю, вѣдаю, это для меня не новое, кому неизвѣстно? Никто не сомнѣвается.* И еще ближе перемѣнять можно, какъ-то: *Разумѣю, чувствую, вижу,* часто значатъ тоже, что и *знаю.* Чтеніе доставитъ намъ великое множество подобныхъ выраженій, и приведетъ насъ въ состояніе употреблять не первовстрѣчающіяся, но приличнѣйшія; ибо не всѣ онѣ бываютъ равносильны: напримѣръ, говоря о понятіи ума, хорошо сказать, *вижу:* но, говоря о зрѣніи глазъ, худо скажешь *разумѣю;* такъ и вмѣсто слова *мечъ,* можно сказать *желѣзо;* но изъ сего не слѣдуетъ, чтобъ словомъ *мечъ* могло означаться *желѣзо.*

Хотя показаннымъ образомъ и обогащаемся словами, однако не для однихъ только словъ читать и слушать должно. Ибо все то, чему мы учимъ, найти можно въ примѣрахъ; и примѣры сіи бываютъ дѣйствительнѣе самыхъ правилъ, когда учащійся доведенъ уже до того, что и безъ наставника, съ помощію собственныхъ силъ,

можетъ вдаль простираться; поелику тоже самое, чему учитъ наставникъ, становится ощутительнѣе, когда читаешь или слушаешь рѣчь Оратора.

Но изъ сихъ пособій иное полезнѣе для читающаго, другое для слушающаго. Ораторъ говорящій, возбуждаетъ насъ своимъ собственнымъ жаромъ, и не изображеніемъ только и видомъ вещей, но самыми вещами поражаетъ. У него все оживотворяется, все движется, и сіи искры ума, какъ вновь непрестанно возраждающіяся, перехватываемъ мы съ удовольствіемъ и даже съ нѣкоторымъ участіемъ. Не окончаніе суда и опасность подсудимыхъ насъ занимаютъ, но участь самихъ Ораторовъ производитъ въ насъ безпокойство. Кромѣ того, голосъ и дѣйствованіе ловкое, благопристойное, пріятное произношеніе, какъ твердѣйшая подпора Оратора, словомъ, все намъ кажется очаровательнымъ.

Читая, мы вѣрнѣе судимъ: слушая же, или собственнымъ пристрастіемъ, или другихъ одобреніемъ увлекаемся. Ибо стыдно не согласоваться съ прочими, и какъ бы внутренно совѣстимся вѣрить самимъ себѣ; между тѣмъ какъ многимъ нравится худое, а отъ подкупленныхъ льстецовъ похваляется и то, что всѣмъ не нравится. Напротивъ случается, что слушатели съ худымъ вкусомъ и самой лучшей рѣчи не одо-

бряютъ. Чтеніе свободно: тутъ у насъ ничто не ускользаетъ, какъ бываетъ при слушаніи говорящаго Оратора; можемъ тоже повторять и перечитывать со вниманіемъ, гдѣ или недоумѣваемъ, или хотимъ лучше припомнить. И это необходимо нужно. Какъ принимаемыя яства опускаемъ въ желудокъ разжеванными, дабы пособить ихъ сваренію: такъ и все читаемое нами, не безъ всякаго разсмотрѣнія, но какъ растворенное прилѣжнымъ изслѣдованіемъ, надлежитъ передавать памяти, дабы послѣ поставить то себѣ за образецъ къ подражанію.

И долго не надобно читать иныхъ Авторовъ, кромѣ самыхъ лучшихъ, и наибольшее довѣріе заслуживающихъ; читать же ихъ со всякимъ вниманіемъ, и даже не лѣниться дѣлать изъ нихъ выписки; разбирать сочиненіе не только по частямъ, но прочитавъ всю книгу, составлять общее изъ ея содержанія извлеченіе; особливо наблюдать сіе нужно при чтеніи рѣчей, произносимыхъ по дѣламъ суднымъ, гдѣ часто искусство нарочно съ намѣреніемъ прикрывается. Ибо Ораторъ, пріуготовляя умы слушателей, нерѣдко притворствуетъ, ухищряется и говоритъ сперва о томъ, что въ послѣдствіи только можетъ быть для него выгодно; и по сему намъ, какъ невѣдающимъ его цѣли, сказанное имъ легко покажется неумѣстнымъ. Для того-то,

обозрѣвъ прежде всѣ части, надлежитъ обращаться на цѣлое.

Всего же полезнѣе знать дѣло, по которому говоренныя рѣчи читать хотимъ, и особенно, если по оному состязались съ обѣихъ сторонъ соперники, какъ Димосѳенъ съ Есхиномъ, Сервій Сульпицій съ Мессалою, изъ коихъ одинъ говорилъ за Авфидію, другой противъ; Поллiонъ съ Кассіемъ по дѣлу Аспрената, и иные многіе. Ежели не льзя найти рѣчей равной силы по одному и тому же дѣлу, то сыщутся по крайней мѣрѣ такія, изъ коихъ почерпнемъ понятіе о положеніи тяжбы, какова рѣчь Туберона на Кв. Лигарія, коего защищалъ Цицеронъ, и рѣчь Гортензія за Верреса, также противъ Цицерона.

Не безполезно знать и то, какимъ образомъ два Оратора обработывали одно и тоже дѣло. Напримѣръ, и о возвращеніи Цицерону описаннаго у него дома говорилъ и Каллидій, и за Милона написана, для упражненія, рѣчь Брутомъ, которая, вопреки показанію Корнелія Цельса, произнесена имъ не была. Поллiонъ и Мессала защищали однѣ лица. И еще, помню, въ малолѣтствѣ моемъ, славились рѣчи за Волузена Катула, сочиненныя Домиціемъ Афромъ, Криспомъ Пассіеномъ, Децимомъ Леліемъ.

Но, читая, надлежитъ быть свободну отъ предубѣжденія, будто бы все находимое въ великихъ есть совершенно. И они иногда погрѣшаютъ, или падаютъ подъ бременемъ, или увлекаются порывами своего разума, не всегда напрягаютъ вниманіе, а не рѣдко и утомляются. Цицерону кажется, что Димосѳенъ, а Горацію, что и самъ Гомеръ временемъ дремотѣ предаются. Они, безъ сомнѣнія, великіе люди, но все человѣки. И съ тѣми, кои все, что въ нихъ ни находятъ, почитаютъ за непреложный законъ, случается, что подражая ихъ недостаткамъ (ибо это легче), почитаютъ себя уже имъ равными.

Однако судить о сихъ великихъ и достойныхъ мужахъ надлежитъ со всякою осмотрительностію и скромностію, дабы, какъ со многими бываетъ, не опорочить того, чего не понимаемъ. И ежели въ семъ случаѣ не льзя не погрѣшить, то мнѣ кажется, читая ихъ творенія, лучше все одобрять, нежели многое хулить.

III. Ѳеофрастъ говоритъ, что чтеніе Стихотворцевъ весьма полезно для Оратора: мнѣнія его держатся и другіе многіе; да и не безъ причины. Ибо отъ Стихотворцевъ можно заимствовать пылкость въ мысляхъ, благородство въ выраженіяхъ, силу чувствованій и пристойность въ характерахъ; и особенно разсѣянная въ ихъ твореніяхъ пріятность много способ-

ствуетъ къ развлеченію умовъ, какъ бы удрученныхъ вседневными упражненіями въ дѣлахъ судебныхъ. Для сего-то и Цицеронъ за нужное почитаетъ заниматься иногда чтеніемъ сего рода.

Однако не забудемъ, что Фратору не должно во всемъ подражать Стихотворцамъ; ему непозволительна та же вольность, ни въ словахъ, ни въ фигурахъ: сей родъ писанія выдуманъ для оказательства и для одного удовольствія, которое произвесть старается не только ложными, но неимовѣрными вымыслами; Стихотворецъ можетъ надѣяться болѣе снисхожденія, поелику онъ обязанъ наблюдать извѣстную потребность стопъ; не всегда властенъ употреблять собственныя реченія; часто совращенъ будучи съ прямаго пути, принужденъ бываетъ прибѣгнуть къ нѣкоторымъ окольнымъ выраженіямъ; необходимость заставляетъ его не только перемѣнять слова, но и растягивать, сокращать и раздѣлять. Ораторъ же долженъ стоять, какъ вооруженный воинъ въ строю, рѣшить дѣла великой важности, и всегда стремиться къ побѣдѣ. Впрочемъ я не хочу, чтобъ и его оружіе было покрыто ржавчиною; но чтобы имѣло блескъ, подобный блеску вычищеннаго желѣза, коимъ и взоръ и душа поражается, а не блеску серебра или золота, ратующему ни на что непригоднаго,

а больше еще опаснаго тому, кто имъ украшается.

Исторія также можетъ служить нѣжною и пріятною пищею для Оратора. Но надобно знать, что большая часть совершенствъ Историка сочтутся недостатками въ Ораторѣ. Историкъ похожъ на Стихотворца, и Исторія есть родъ вольной и строгими правилами нестѣсненной поэзіи; цѣль ея повѣствовать, а не доказывать: это есть твореніе, которое не входитъ въ разбирательство и преніе о дѣлахъ настоящаго времени; но только событія передаетъ потомству, вмѣстѣ съ именемъ умнаго Историка, который по сей причинѣ смѣлостію выраженій и фигуръ старается удалить скуку, съ длиннымъ повѣствованіемъ почти неразлучную.

Почему, какъ я уже сказалъ, ни Саллюстіева краткость, которая для внимательнаго и разборчиваго ума имѣетъ неизъяснимую прелесть, не можетъ быть умѣстна предъ судьею, развлеченнымъ въ мысляхъ разными дѣлами, или недальнымъ искусникомъ въ Словесности; ниже Ливіево обиліе, сладостію млеку подобное, удовлетворитъ тому, кто ищетъ не столько красотъ слова, сколько твердости доказательствъ. Прибавьте къ сему, что Цицеронъ, ни Ѳукидида, ни Ксенофонта не почитаетъ для Оратора полезными, хотя перваго уподобляетъ воинской

трубѣ, а о другомъ отзывается, что устами его говорили сами Музы.

Позволяется однако въ отступленіяхъ употреблять иногда и историческія украшенія; но не должно забывать, что, при изложеніи существеннаго дѣла, не напряженныя жилы Атлета, но крѣпкія мышцы воина потребны; и также разноцвѣтная одежда, какую нашивалъ, сказываютъ, Димитрій Фалерскій, не будетъ соотвѣтствовать съ пыльными собраніями народа.

Изъ Исторій можно сдѣлать еще другое и гораздо важнѣйшее употребленіе. Знать событія прошедшія и помнить достопримѣчательные примѣры, весьма нужно Оратору, дабы не извлекать всѣхъ свидѣтельствъ отъ однѣхъ только тяжущихся сторонъ, но заимствовать ихъ и отъ самой древности: такія свидѣтельства производятъ тѣмъ больше дѣйствія, что онѣ однѣ не подвержены подозрѣнію въ пристрастіи. Говорить о семъ подробнѣе не относится къ предмету, о коемъ мы разсуждать здѣсь предположили.

А что принуждены мы многое заимствовать изъ чтенія Философовъ, виною тому сами Ораторы, которые уступили имъ лучшую часть своей должности. Нынѣ сдѣлалось уже принадлежностію Философовъ разсуждать и спорить о томъ, что есть справедливо, что честно, что

полезно, и напротивъ; даже толкуютъ о предметахъ божественныхъ; и состязанія и вопросы Сократа могутъ будущаго Оратора достаточно пріуготовить къ предстоящимъ ему судебнымъ преніямъ. Но и здѣсь потребенъ разборъ: надобно знать, что, хотя говоримъ о тѣхъ же вещахъ, однако есть великая разность между тяжбами и простыми состязаніями, между судилищемъ и школою, между наставленіями Философа и затруднительными занятіями Оратора.

IV. Показавъ пользу, отъ чтенія происходящую, я еще не вполнѣ, мнится мнѣ, удовлетворилъ желанію многихъ, если не прибавлю къ тому, какихъ именно Писателей читать надлежитъ, и какимъ достоинствомъ каждый изъ нихъ отличается. Но всѣхъ ихъ исчислять былъ бы трудъ безконечный. Ежели Цицеронъ нѣсколько страницъ наполнилъ именами однихъ Римскихъ Ораторовъ, не включая въ то число своихъ современниковъ, кромѣ Цезаря и Марцелла; то какая длинная составилась бы роспись, когда бы я захотѣлъ помѣстить въ нее и сихъ и послѣ жившихъ, присовокупя также и Греческихъ всѣхъ Ораторовъ, Философовъ и Стихотворцевъ? Итакъ лучше соблюсть краткость Тита Ливія, который въ письмѣ къ сыну своему только сказалъ, что читать должно Димосѳена и

Цицерона до тѣхъ поръ, пока не приближится къ совершенствамъ того или другаго.

Однако я обязанъ сказать здѣсь вообще мое мнѣніе. Мало, или почти ни одного изъ древнихъ Писателей, коихъ творенія до насъ дошли, не найдешь, который бы разсудительному читателю не могъ принести какой-либо пользы: поелику и самъ Цицеронъ признается, что весьма много добраго заимствовалъ отъ самыхъ древнѣйшихъ, впрочемъ умныхъ, но всякаго искуства чуждыхъ. Я тѣхъ почти мыслей и о новѣйшихъ. Ибо можно ли предполагать, что есть до того безсмысленные Писатели, кои бы ни чѣмъ не надѣялись оставить по себѣ память въ потомствѣ? Ежели сыщутся таковые, то съ первыхъ же страницъ обнаружится ихъ маломысліе и отвратитъ насъ отъ себя, не давъ потратить много времени на дальнѣйшее опознаніе. Но не все, что принадлежитъ къ какой нибудь части науки, бываетъ тотчасъ приспособлено къ образу словоыраженія, о которомъ здѣсь излагаемъ правила.

Но прежде, нежели будемъ говорить о каждомъ Писателѣ порознь, надобно коснуться вообще разности вкусовъ и мнѣній. Ибо нѣкоторые думаютъ, что однихъ древнихъ читать надобно, поелику въ нихъ только находимъ естественное краснорѣчіе и силу мужамъ приличную.

Другіе плѣняются нынѣшнимъ, цвѣтками усѣяннымъ, нѣжнымъ и только къ очарованію невѣждъ направленнымъ слогомъ. Есть и такіе, которые прямый образъ рѣчи всему предпочитаютъ. А иные самое простое, легкое и отъ обыкновенныхъ разговоровъ мало чѣмъ разнящееся слововыраженіе почитаютъ за истинно Аттическое. Другіе любятъ мысли высокія, стремительныя, пылкія. Многіе же прельщаются болѣе слогомъ чистымъ, гладкимъ, старательно выработаннымъ. О семъ различіи вкусовъ пространнѣе объясню, когда буду говорить о родѣ слова, коего держаться нужно Оратору.

V. Между тѣмъ вообще скажу, какія выгоды и отъ чтенія какихъ Авторовъ могутъ получить тѣ, кои хотятъ пріобрѣсть большіе успѣхи въ Краснорѣчіи. Я намѣренъ упомянуть о немногихъ, и то самыхъ превосходныхъ Писателяхъ. По свойству и качествамъ сихъ, проницательный читатель можетъ судить и о прочихъ подобныхъ имъ: почему да не посѣтуетъ на меня кто-либо, что я нѣкоторыхъ, можетъ быть, изъ числа любимыхъ ему здѣсь не помѣщаю. Я и самъ признаюсь, что не именую многихъ, коихъ читать съ пользою можно. Но я предположилъ теперь говорить только о тѣхъ родахъ чтенія, какіе нужны для образованія Оратора.

1). И какъ Арапъ почелъ за пристойное начать свою Астрономію сими словами: *Ab Iove principium, начнемъ съ Юпитера;* то и мы здѣсь, кажется, справедливо поступимъ, если начнемъ съ Гомера. Ибо, какъ рѣка и источники, по его же собственнымъ выраженіямъ, получаютъ и начало и стремленіе свое отъ Океана; такъ и онъ есть глава и образецъ во всѣхъ родахъ Краснорѣчія. Никто не превосходилъ его въ великихъ предметахъ высокостію, въ малыхъ точностію выраженій. Слогъ его красивъ и кратокъ, пріятенъ и важенъ, и обиліемъ и краткостію удивителенъ: словомъ, Гомеръ въ высочайшей степени обладалъ совершенствами не только Поэта, но и Оратора.

Я не говорю о тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ хвалитъ, увѣщаваетъ, утѣшаетъ; стоитъ прочитать только девятую книгу, въ которой описывается посольство къ Ахиллесу: или первую, въ которой спорятъ между собою военачальники: или вторую, гдѣ сужденія, переговоры и совѣты главныхъ вождей носятъ печать неподражаемаго искуства. Кто не увѣрится, что сей великій Стихотворецъ имѣлъ во власти своей тайну возбуждать и тихія и сильныя чувствованія?

И не находимъ ли, что начиная обѣ сіи книги, въ немногихъ стихахъ, не говорю, слѣ-

довалъ, но поставилъ образцы искуснымъ Приступамъ? Ибо призываніемъ богинь, почитавшихся покровительницами пѣснопѣвцевъ, дѣлаетъ слушателя благосклоннымъ, и изображеніемъ великихъ предметовъ внимательнымъ, и краткостію изложенія совершенно вразумляетъ. Кто можетъ короче повѣствовать, какъ онъ, когда возвѣщаетъ о смерти Патрокла? Кто живѣе описалъ сраженіе Куретовъ и Этолянъ? Подобій же, сравненій, распространеній, примѣровъ, признаковъ и всего того, что служитъ къ доводамъ и опроверженіямъ, находимъ въ немъ такое обиліе, что даже Риторы, оставившіе намъ свои наставленія въ Краснорѣчіи, приводятъ на то образцы изъ сего Поэта. И наконецъ, какое заключеніе рѣчи можетъ сравниться съ просьбою Пріама, когда сей умоляетъ Ахиллеса отдать ему тѣло своего сына?

Что сказать о выраженіяхъ, мысляхъ, фигурахъ, расположеніи цѣлаго творенія? Все, кажется, превышаетъ мѣру человѣческаго разума. Надобно родиться великому человѣку, который бы могъ, не говорю, сравняться съ нимъ въ совершенствахъ, ибо дѣло это невозможное, но только постигать всѣ красоты оныхъ. Гомеръ, безъ сомнѣнія, всѣхъ и во всѣхъ родахъ Краснорѣчія далеко оставилъ за собою, и особенно творцевъ Героическихъ поэмъ; по тому что при срав-

ненiи подобныхъ предметовъ разность гораздо виднѣе.

Гезiодъ рѣдко возвышается; онъ по большей части занимается словами; однако въ наставленiяхъ его можно найти полезныя изрѣченiя: также въ выраженiяхъ есть нѣкоторая плавность, и слогъ его довольно хорошъ; ему отдается преимущество въ среднемъ родѣ Краснорѣчiя.

Напротивъ въ Антимахѣ примѣчается сила и важность; слогъ его, отстоя далеко отъ обыкновеннаго, заслуживаетъ похвалу. Хотя всѣ почти Грамматики даютъ ему второе мѣсто по Гомерѣ, однако нѣтъ въ немъ ни пылкости, ни прiятности, ни порядочнаго расположенiя, также не видно никакого искуства. А сiе ясно показываетъ, сколь велика разность приближиться къ Гомеру, и быть вторымъ по немъ.

Въ Панiазiи находится нѣчто похожее на обоихъ помянутыхъ Стихотворцевъ: но въ слогѣ его нѣтъ ихъ чистоты: однако Гезiода превосходитъ онъ выборомъ предметовъ, а Антимаха порядкомъ въ расположенiи.

Аполлонiй въ роспись, составленную Грамматиками, не вошелъ потому, что Аристархъ и Аристофанъ, принявшiе на себя право судить о достоинствѣ Стихотворцевъ, ни объ одномъ своего времени Писателѣ не упомянули: однако мы имѣемъ отъ него одно сочиненiе, достойное чте-

нія, по соблюденію нѣкоторой повсюду неизмѣняемой посредственности.

Аратъ выбралъ для себя предметъ сухій и холодный, въ которомъ нѣтъ ни разнообразія, ни живости, ниже одного вводнаго лица: впрочемъ силы его соотвѣтствовали предпріятому труду.

Ѳеокритъ удивителенъ въ своемъ родѣ: но его сельская и пастушеская Муза, не только въ судилищахъ, но и въ городахъ не можетъ имѣть мѣста.

Мнѣ слышатся со всѣхъ сторонъ голоса, произносящіе имена различныхъ Стихотворцевъ. Какъ? не уже ли, говорятъ, подвиги Геркулеса не имѣютъ достойныхъ Пиндаровъ? Уже ли безразсудно подражали Никандру Мацеръ и Виргилій. Для чего пропустить Евфоріона? Ежели бы Виргилій не уважалъ его, то не упоминалъ бы стиховъ Халкидонскаго пѣвца въ своихъ Буколикахъ. И Горацій развѣ напрасно ставитъ Тиртея на первомъ мѣстѣ послѣ Гомера?

Не уже ли они кому-либо такъ неизвѣстны, чтобъ не льзя было хоть изъ библіотечныхъ росписей внести ихъ въ свое исчисленіе? Я знаю, о комъ умалчиваю, и ни одного не охуждаю, поелику предварительно сказалъ, что они всѣ имѣютъ свою цѣну. Но возвратимся къ нимъ, когда поукрѣпимся въ Краснорѣчіи, какъ дѣлаемъ ча-

сто на великихъ пиршествахъ; насытясь лучшими яствами, находимъ и въ обыкновенныхъ нѣкоторую пріятность, ради перемѣны вкуса.

Тогда можно взять въ руки и Элегію. Каллимахъ почитается наилучшимъ въ семъ родѣ. Второе мѣсто, по признанію многихъ, отдается Филету. Но прежде, нежели пріобрѣтемъ уже твердую, какъ я сказалъ, способность, надлежитъ заняться отличнѣйшими Авторами; и паче прилѣжнымъ чтеніемъ хорошихъ, а не чтеніемъ многихъ книгъ, должно укрѣплять разумъ и усовершаться въ слогѣ.

Итакъ изъ трехъ Стихотворцевъ, писавшихъ Ямбами и получившихъ одобреніе Аристарха, одинъ Архилогъ можетъ способствовать къ достиженію нашей цѣли. Слововыраженіе у него превосходно, мысли сколько крапки, столько смѣлы и разительны; вы найдете въ нихъ полноту и силу; такъ что если онъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, уступаетъ многимъ, то сіе причесть должно избранному имъ предмету, а не недостатку ума.

Между (*) девятью же Лириками, Пиндаръ безъ прекословія есть первый и по возвышенности восторга, и по разительности мыслей,

(*) Девять Лириковъ были у Грековъ слѣдующіе: Пиндаръ, Стезихоръ, Алкей, Симонидъ, Ивикъ, Алкманъ, Вакхилидъ, Анакреонъ, Сафо.

по красотѣ фигуръ, по удивительному обилію и выбору реченій, и по образу Витійства, которое льется съ стремительностію потока. Почему Горацій, да и справедливо, почитаетъ его вовсе неподражаемымъ.

Стезихоръ сколь возвышеннаго ума былъ, доказываютъ то избранные имъ предметы: онъ пѣлъ знаменитыя брани и вождей великихъ, такъ что лира его выдерживала всю тяжесть Эпической поэмы. Онъ заставляетъ Ироевъ своихъ и дѣйствовать и говорить съ надлежащимъ достоинствомъ; и ежели бы умѣлъ наблюдать потребную мѣру, то, кажется, никто бы не подошелъ ближе къ Гомеру; но онъ слишкомъ плодовитъ и многорѣчивъ: порокъ, хулы достойный, но порокъ, являющій изобиліе.

Алкею по справедливости влагаютъ въ руки золотый смычокъ; ибо онъ преслѣдуетъ Тирановъ: въ немъ много и нравственнаго: въ слогѣ кратокъ, великолѣпенъ, чистъ и много походитъ на слогъ Гомера: но унижается иногда до шутокъ и любовныхъ похожденій, однако способнѣе къ предметамъ великимъ.

Симонидъ слабъ; но у него свойственно и пріятно словоыраженіе: особливо силенъ онъ въ возбужденіи жалости, такъ что нѣкоторыми по сей части всѣмъ Авторамъ предпочитается.

Древняя Комедія почти одна удерживаетъ еще красоту Аттическаго нарѣчія и нѣкоторую изящную вольность выраженій: хотя имѣетъ она за особенный предметъ осмѣяніе людскихъ пороковъ, однако и въ прочихъ частяхъ Краснорѣчія не безъ достоинства. Ибо въ ней примѣчается нѣкое благородство, величіе, пріятность, и не знаю, естьли что совершеннѣе послѣ Гомера, съ которымъ ничего сравнивать не можно, какъ онъ и самъ ни съ кѣмъ не сравниваетъ Ахиллеса, и что болѣе подходило бы къ Ораторскому искуству, или бы способствовало къ образованію Оратора. Комиковъ было много: но превосходнѣйшие изъ нихъ суть Аристофанъ, Евполисъ и Кратинъ.

Первый творецъ Трагедій былъ Эсхилъ, писатель важный, сильный и высокопарный часто до излишества, но во многихъ мѣстахъ грубый и нерадящій о правильности. По сему-то Аѳиняне дозволили послѣдующимъ за нимъ Стихотворцамъ исправлять его Трагедіи и отдавать на театръ, изъ которыхъ многія и были увѣнчаны.

Но гораздо на высшую степень совершенства вознесли сей родъ сочиненій Софоклъ и Еврипидъ; и доселѣ еще происходятъ между Учеными споры о томъ, котораго изъ нихъ обоихъ. различный другъ отъ друга путь избравшихъ,

надлежитъ почитать лучшимъ Стихотворцемъ? Я оставляю это безъ разрѣшенія, какъ къ предмету нашему не относящееся. Но нельзя не признаться, что Еврипидъ полезнѣе для тѣхъ, кои готовятъ себя къ званію Оратора. Ибо слогъ его (что однакожъ справедливо порицаютъ тѣ, коимъ величественность, замысловатость, и весь ходъ рѣчи у Софокла кажется возвышеннѣе), слогъ его, говорю, подходитъ болѣе къ роду Ораторскому: наполненъ прекрасными мыслями и изрѣченіями, которыя не уступаютъ изрѣченіямъ самыхъ глубокихъ Философовъ, а въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ можетъ сравниться съ самыми краснорѣчивыми Ораторами. Въ движеніи же страстей повсюду удивителенъ, а паче превосходенъ, гдѣ надобно возбудить жалость и сострадание.

Ему Менандръ и удивлялся, какъ самъ свидѣтельствуетъ, и подражалъ, хотя и въ различномъ родѣ. По мнѣнію моему, ежели съ прилѣжаніемъ читаемъ будетъ Менандръ, то и одинъ онъ можетъ доставить всю пользу, какой мы отъ наставленій нашихъ ожидаемъ: такъ живо представилъ образъ жизни человѣческой, такая въ немъ плодовитость изобрѣтать и легкость выражать словомъ, и такое искуство описывать всѣ предметы, лица и страсти. Конечно не безъ основанія нѣкоторые думаютъ, что рѣчи, выдаваемыя подъ именемъ Харизія, были писаны

Менандромъ. Но мнѣ кажется онъ больше Ораторомъ въ своихъ Комедіяхъ, исключая, можетъ быть, немногія, въ которыхъ встрѣчаются мѣста, мало обдуманныя и не съ надлежащимъ искуствомъ выраженныя.

Однако полагаю, что Менандръ можетъ быть полезенъ еще болѣе Декламаторамъ; поелику они принуждены бываютъ, по содержанію избираемыхъ для своего упражненія предметовъ, представлять разныя лица, какъ-то: отцевъ, сыновей, супруговъ, военныхъ, поселянъ, богатыхъ, бѣдныхъ, гнѣвливыхъ, умоляющихъ, кроткихъ, суровыхъ: во всѣхъ таковыхъ случаяхъ умѣлъ Стихотворецъ сей наблюдать удивительное приличіе. Онъ предъ всѣми, писавшими въ одномъ съ нимъ родѣ, взялъ преимущество, и помрачилъ ихъ блескомъ своей славы.

Но есть и другіе Комики, въ коихъ можно найти хорошее, ежели будемъ читать ихъ съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ: какъ, напримѣръ, Филемонъ, который, по худому вкусу своихъ современниковъ, часто предпочитаемъ былъ Менандру, но по общему согласію заслуживаетъ второе по немъ мѣсто.

2.) Перейдемъ къ Исторіи. Было много знаменитыхъ Историковъ; но двое изъ нихъ, по всеобщему признанію, далеко всѣхъ прочихъ превосходятъ. Одинъ глубокомысленный, краткій,

повсюду ровный, это Өукидидъ: другой пріятный, блестящій, обильный, это Иродотъ: тотъ лучше выражаетъ стремительныя страсти, а сей чувствованія тихія: тотъ красивѣе въ большихъ рѣчахъ, а сей въ обыкновенномъ разговорѣ: въ первомъ болѣе силы, въ другомъ болѣе пріятности.

Өеопомпъ, ближайшій къ нимъ временемъ, есть ниже ихъ въ Исторіи, и болѣе подходитъ къ Оратору; ибо прежде, нежели убѣдили его писать Исторію, долго отправлялъ должность Оратора. Филистъ также заслуживаетъ отличіе между прочими, хорошими писателями, послѣ трехъ помянутыхъ бывшими; онъ подражалъ Өукидиду; но гораздо слабѣе его; за то нѣсколько яснѣе.

Въ Ефорѣ, по мнѣнію Исократа, недостаетъ огня и живости. Клитархъ похваляется за разумъ, за неточность хулится. Спустя долгое время появившійся Тимагенъ и тѣмъ однимъ заслужилъ уже уваженіе, что возродилъ охоту писать Исторіи; о чемъ послѣ означенныхъ великихъ мужей нерадѣть было начали. Я не забылъ Ксенофонта; помѣщу его между Философами.

3.) Теперь слѣдуетъ необозримое множество Ораторовъ; ибо одинъ вѣкъ произвелъ ихъ до десяти: между ими Димосөенъ занималъ первое мѣсто, и былъ почти законодателемъ Красно-

рѣчія. Такая была въ немъ сила, такое обиліе въ мысляхъ и такая стремительность въ избранныхъ выраженіяхъ, что ни въ чемъ не найдешь ни недостатка, ни излишества. Эсхинъ полнѣе, плодовитѣе и кажется тѣмъ выше, чѣмъ сжатъ менѣе: однако имѣлъ, такъ сказать, болѣе тѣла, нежели жилъ. Иперидъ отличался пріятностію слога и остротою разума: но больше способенъ для предметовъ малыхъ, нежели для великихъ.

Лизіасъ, прежде ихъ живщій, славился слогомъ легкимъ и красивымъ. Ежели довольно для Оратора, чтобъ умѣлъ ясно излагать дѣло, то былъ онъ всѣхъ совершеннѣе: у него нѣтъ ничего пустаго, ничего натяжнаго. Однако его лучше можно уподобить прозрачному источнику, нежели рѣкѣ великой. По крайней мѣрѣ, я такъ думаю. Исократъ отличается чистотою и красотою слова въ другомъ родѣ: онъ способнѣе наставлять юнаго Атлета, нежели самъ сражаться: онъ старался повсюду блестѣть слогомъ; да и не безъ причины; ибо не бралъ на себя дѣлъ судныхъ, а говорилъ только при многочисленномъ собраніи учениковъ своихъ: изобрѣталъ удобно, любилъ все честное и изящное, и въ сочиненіи наблюдалъ правильность до того, что такое стараніе иногда ставилось ему въ порокъ.

Въ помянутыхъ мною Ораторахъ не сіи однѣ достоинства нахожу, но ихъ только каждому

особенно почитаю принадлежащими: также не отвергаю, чтобъ не было другихъ, кромѣ ихъ, превосходныхъ писателей. Признаюсь, что даже и Димитрій Фалерскій (хотя говорятъ, что онъ первый началъ уклоняться отъ истиннаго пути Краснорѣчія) имѣлъ много дарованій и способности, и тѣмъ по крайней мѣрѣ достопамятенъ, что былъ почти послѣдній изъ Аттиковъ, коего можно назвать еще Ораторомъ: Цицеронъ однако предпочитаетъ его всѣмъ другимъ въ родѣ посредственномъ.

4.) Изъ Философовъ, изъ чтенія коихъ Туллій, какъ самъ признается, почерпнулъ большую часть своего Витійства, кто не поставитъ Платона выше всѣхъ прочихъ, какъ по тонкости ума его въ преніяхъ, такъ по нѣкоей божественной и Гомеру только свойственной способности изъяснять свои мысли? Онъ возносится выше прозы, и даже выше той поэзіи, которая у Грековъ называлась симъ именемъ только по тому, что заключалась въ извѣстномъ числѣ стопъ: и мнѣ кажется, онъ будто бы не умомъ человѣческимъ, а Дельфійскимъ оракуломъ вдохновенъ былъ.

Что скажу о непринужденной, безпритворной пріятности Ксенофонта, коей никакое усиліе, никакое искуство подражать не можетъ? Кажется, сами Граціи въ уста его рѣчь влагали:

что въ древней Комедіи сказано о Периклѣ, мы тоже можемъ весьма справедливо отнести къ Ксенофонту: *Устами его вѣщала сама Богиня увѣрительности.*

Что сказать о прочихъ ученикахъ Сократа? Что объ Аристотелѣ? Не знаю, обширными ли познаніями, множествомъ ли многоразличныхъ сочиненій, или сладостію слова, или остротою изобрѣтеній, снискалъ онъ болѣе славы. Ѳеофрастъ же толь силенъ, толь превосходенъ въ краснорѣчіи, что отъ того самаго, какъ сказываютъ, получилъ свое имя.

Древніе Стоики не много пеклись о краснорѣчіи: но кромѣ того, что назидаютъ нравственность, много имѣютъ основательности въ своихъ умствованіяхъ и твердости въ доказательствахъ. Они болѣе заботились о точности мыслей (что конечно дѣлали не изъ притворства), нежели о красотѣ выраженій.

VI. Для Римскихъ Писателей мы будемъ слѣдовать тому же порядку.

1). Какъ Писателей Греческихъ начали мы исчислять съ Гомера, такъ, приступая говорить о Римскихъ, лучше всего должно начать съ Виргилія, который изъ всѣхъ Стихотворцевъ, писавшихъ въ семъ родѣ, отошелъ, безъ сомнѣнія, не далеко отъ Гомера. Я употреблю здѣсь тѣже слова, какія слышалъ еще въ молодости моей

онъ Афра Доминія; онъ, на вопросъ мой, кто бы, по его мнѣнію, болѣе приближился къ Гомеру, отвѣчалъ: *Виргилій есть вторый, однако ближе кб первому, нежели кб третьему.* И въ самомъ дѣлѣ, если онъ долженъ уступить небесному и безсмертному генію перваго, въ замѣнъ того усматривается въ немъ болѣе тщанія и правильности; что ему большаго и труда стоило: и недостатокъ возвышенности Греческаго пѣвца вознаграждается въ Римскомъ неизмѣннемою ровностію.

Всѣ прочіе издалека слѣдуютъ. Ибо читать Мацера и Лукреція хотя можно, но не для того, чтобъ почерпнуть изъ нихъ какую-либо пользу въ отношеніи къ слову, то есть, въ отношеніи къ правиламъ Краснорѣчія: они оба хороши по своимъ предметамъ; но въ одномъ нѣтъ ничего возвышеннаго, а другой труденъ. Не льзя пренебрегать и Паррона (*) Аттацина, прославившагося нѣкоторыми сочиненіями и переводами: однако онъ къ усовершенію слова способствовать мало можетъ. Енній достоинъ уваженія, какъ тѣ освященныя древностію дубравы, въ которыхъ высокіе и многолѣтные дубы не столько

(*) Аттацинъ Варронъ, современникъ Овидія, перевелъ поэму Аполлонія Родійскаго, называемую *Аргонавты.* Родился въ Нарбонской Галліи, въ мѣстечкѣ *Allace*, откуда получилъ и названіе Аттацина, или Аттацинскаго.

поражают красотою, сколько чувствием благоговения, какое к себе внушают.

Другие Стихотворцы, к нам ближе жившие, могут более способствовать к усовершению нашему в чистоте слога. Овидий, забавный даже в Ироических творениях, и слишком влюбленный в свое остроумие, во многих местах заслуживает одобрение. Корнелий Север, хотя лучший стихослагатель, нежели поэт, мог бы однако по справедливости заступить второе место, если бы продолжил повествование о Сицилийской войне с тем же успехом, с каким написал первую книгу. Но преждевременная смерть остановила дальнейший подвиг; при всем том юношеския занятия его показывают великую способность, а паче удивительный в таком возрасте вкус и порыв ко всему изящному.

Много потеряли мы недавно и в Валерие Флакке. В Салее Бассе виден сильный и стихотворческий разум, но и самою старостию еще не приведенный в зрелость. Не худо прочитать Рабирия и Тедона, если допустит лишнее время. Лукан пылок, стремителен, исполнен блестящих мыслей; но, по мнению моему, должен быть отнесен к числу Ораторов более, нежели Стихотворцев.

Говоря о писателяхъ нашего времени, не помѣстилъ я между ими (*) Германика Августа, *потому, что попеченіе* о дѣлахъ государственныхъ отклонило его отъ обычныхъ ему ученыхъ упражненій, и что богамъ благоразсудилось мало быть ему величайшимъ изъ поэтовъ. Однако что ученѣе, что превосходнѣе, что сладостнѣе твореній, которыя онъ началъ было въ молодости своей до пріобщенія его къ управленію Имперіею? Да и кто лучше могъ воспѣть военные подвиги, какъ не тотъ, кто самъ участвовалъ въ оныхъ? Кому могли быть благопріятнѣе Музы? На кого Минерва, божество толико чтимое симъ государемъ, благоволила бы щедрѣе излить дары свои? Грядущіе вѣки провозгласятъ достойнѣйшія похвалы. Ибо нынѣ высокія качества писателя блескомъ другихъ доблестей помрачаются. Однако, Цезарь, позволь великодушно, да и мы, упражняющіеся въ наукахъ, присовокупимъ хвалы, тебѣ подобающія, и да засвидѣтельствуемъ предъ потомствомъ съ Виргиліемъ:

Inter victrices hederam tibi serpere lauros. (Eclog. 8. v. 13.) Т. е. *Что для увѣнчанія чела твоего и блющь примѣшался къ побѣдоноснымъ лаврамъ.*

(*) Квинтиліанъ, безъ сомнѣнія, разумѣетъ здѣсь Императора Домитіана, который принималъ на себя названіе Германика Августа, какъ свидѣтельствуютъ о томъ его медали. Онъ приписывалъ себѣ усмиреніе Германіи.

Въ Элегіи мы также поспоримъ съ Греками. Тибуллъ мнѣ кажется чище и пріятнѣе всѣхъ нашихъ Стихотворцевъ въ семъ родѣ. Нѣкоторые предпочитаютъ ему Проперція. Овидій страстнѣе и вольнѣе обоихъ; а Галлъ грубѣе.

Сатира же совершенно намъ принадлежитъ; ею первый прославился Луцилій, къ которому иные такъ пристрастились, что не только предъ Стихотворцами въ томъ же родѣ, но и предъ всѣми другими отдаютъ ему преимущество. Я не согласенъ, какъ съ ними, такъ и съ Гораціемъ, который Луцилія уподобляетъ *мутному источнику, въ коемъ есть нѣчто и чистаго.* Ибо я нахожу въ немъ удивительную ученость, непринужденность въ мысляхъ и выраженіяхъ; отъ чего много колкихъ шутокъ и сатирической ѣдкости.

Горацій гораздо выработаннѣе и чище. Онъ зналъ лучше и разительнѣе осмѣивалъ людскіе нравы. Персій хотя издалъ одну только книгу Сатиръ, но заслужилъ по справедливости немалую славу. У насъ есть и нынѣ знаменитые писатели въ семъ родѣ; коихъ имена отъ потомковъ воспоминаться будутъ съ похвалою.

Есть другой родъ Сатиры, еще древнѣйшей, въ одномъ разнообразіи стиховъ состоящій. Изобрѣтатель оной, Теренцій Варронъ, былъ ученѣйшій изъ Римлянъ. Сочинилъ много хорошихъ

книгъ, совершенно зналъ Латинскій языкъ, Древнюю, Греческую и Римскую Исторію; но отъ него можно заимствовать больше полезныхъ свѣдѣній, нежели образцевъ въ Краснорѣчіи.

Ямбъ Римскихъ Стихотворцевъ не былъ особеннымъ родомъ сочиненія: нѣкоторые мѣшали его съ прочими родами. Ѣдкость такой Сатиры находимъ въ Катуллѣ, Бибакулѣ, Гораціѣ, хотя сей послѣдній прибавлялъ къ тому краткіе *Эподы*, или *припѣвы*.

А изъ Лириковъ почти одного Горація съ пользою читать можно. Онъ въ иныхъ мѣстахъ возвышенъ, исполненъ красотъ и пріятности, изобилуетъ разными иносказаніями и смѣлыми, весьма свойственными выраженіями. Прибавить къ нему можно, если хочешь, Целія Басса, жившаго въ недавнемъ времени. Но далеко превосходятъ его нынѣшніе писатели.

Изъ числа Трагиковъ, Акцій и Пакувій суть отличнѣйшіе и по важности мыслей, и по силѣ выраженій, и по достоинству характеровъ. Впрочемъ небрежность въ слогѣ, должно, кажется, приписать болѣе тогдашнему ихъ времени, нежели имъ самимъ. Однако у Акція примѣчается болѣе силы, а у Пакувія находятъ болѣе искуства, тѣ кои выдаютъ себя за знатоковъ, и хотятъ прослыть учеными. Варія же Тіеста со всякимъ Греческимъ Трагикомъ сравнивать можно. Ови-

діева Медея доказываетъ, кажется, до какой высокой степени достигъ бы сей Стихотворецъ, если бы хотѣлъ лучше умѣрять игривость своего разума, нежели блистать имъ. Изъ всѣхъ, кого я видалъ, Помпоній Секундъ есть наилучшій Трагикъ. Люди стариннаго времени почитаютъ его недовольно трогающимъ; но признаются, что чистотою слога и знаніемъ правилъ театральнаго искуства далеко превосходитъ прочихъ.

Въ Комедіи мы очень слабы, хотя и свидѣтельствуетъ Варронъ, что, по мнѣнію Елія Столона, сами Музы не иначе бы говорить стали, какъ нарѣчіемъ Плавта, если бы только употреблять языкъ Латинскій захотѣли: хотя древніе и превозносятъ Целія похвалами: хотя изъ уваженія къ Комедіямъ Теренція приписывали ихъ даже Сципіону Африканскому. Писатели сіи, безспорно, въ родѣ своемъ превосходны, но были бы еще лучше, если бы ограничили себя только шестистопными стихами. При всемъ томъ, мы едва имѣемъ тѣнь Греческой Комедіи; да, мнѣ кажется, и со свойствомъ Латинскаго языка несовмѣстны тѣ Аттическія красоты, до которыхъ не достигаютъ и самые Греки, коль скоро другимъ нарѣчіемъ говорить станутъ. Афраній отличился Римскими, чисто на отечественный вкусъ писанными Комедіями: желательно только,

чтобъ онъ содержанія ихъ не осквернилъ чертами гнусной любви, которыя подаютъ худое свидѣтельство о его нравахъ.

2.) Но въ Исторіи мы не уступимъ Грекамъ; и я смѣло противопоставлю Ѳукидиду Саллюстія: да и Иродотъ не постыдился бы стать на ряду съ Титомъ Ливіемъ, который, кромѣ удивительной плѣнительности и ясности въ повѣствованіи, въ *Рѣчахъ* своихъ блистаетъ неподражаемымъ, или паче неизъяснимымъ витійствомъ. Все приспособлено и къ лицамъ, и къ предметамъ: и самыя страсти, особливо безмятежныя и тихія, ни однимъ, безъ преувеличенія скажу, Историкомъ лучше не выставлены. Почему краткость и стремительность Саллюстія, которая служить должна образцемъ для всѣхъ вѣковъ, замѣнялъ въ себѣ другими совершенствами. И мнѣ кажется, весьма справедливо сказалъ объ нихъ Сервилій Новіанъ, что они равны болѣе, нежели подобны. Сей Новіанъ, коего зналъ я лично, былъ самъ Историкъ великаго ума, исполненный острыхъ изрѣченій, но не такъ краткокъ, какъ бы требовала важность Исторіи. Въ чемъ, не задолго предъ нимъ жившій Бассъ Авфидій имѣлъ большій успѣхъ, описывая Германскую войну, и можетъ почесться достойнымъ въ своемъ родѣ Писателемъ; но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своего сочиненія оказывается ниже самаго себя.

Еще (*) въ живыхъ находится одинъ Историкъ, и украшаетъ вѣкъ нашъ, мужъ достойный незабвенной памяти, коего имя прославитъ потомство, нынѣ же только подразумѣвать позволено. Ему почти всѣ удивляются, но никто не подражаетъ; поелику любовь къ истинѣ была для него бѣдственна, хотя многое изъ сочиненій своихъ выпустилъ. Но и оставшееся довольно показываетъ возвышенность духа его и смѣлость мнѣній. Есть и другіе хорошіе Писатели: но мы говоримъ здѣсь о родахъ чтенія, а не книгохранилища разбираемъ.

3.) Особливо Ораторы вознесли Латинское Краснорѣчіе на равную съ Греками степень славы. Мы смѣло можемъ противопоставить Цицерона каждому ихъ Витіи. Я знаю, что, сравнивая здѣсь его съ Димосѳеномъ, не избѣгу нареканій; поелику сіе не принадлежитъ къ настоящему предмету, и тѣмъ паче, когда уже сказалъ, что особенно Димосѳена не только читать, но и выучивать наизусть должно.

Однако не престану утверждать, что они во многомъ между собою сходствуютъ: тоже почти расположеніе и порядокъ, тотъ же способъ раздѣленія, пріуготовленія умовъ въ слуша-

(*) Иные разумѣютъ здѣсь Плинія Натуралиста, который описалъ Германскую войну въ 20-ти книгахъ, другіе Тацита; послѣдняя догадка вѣроятнѣе.

телахъ, помѣщенія доказательствъ, словомъ, все, что ни относится къ Изобрѣтенію, въ нихъ равнообразно. Въ слогѣ только есть нѣкоторое различіе: одинъ сжатѣе, другой обильнѣе; одинъ тѣснитъ соперника изблизи, другой нападаетъ, оставляя между противникомъ и собою большее пространство; одинъ всегда остротою, другой часто силою побѣждаетъ; въ одномъ нечего отнять, въ другомъ ничего прибавить не можно; въ одномъ больше раченія, въ другомъ природныхъ дарованій.

Въ образѣ шутокъ и въ способѣ возбуждать соболѣзнованіе, статьяхъ для движенія страстей весьма важныхъ, мы превосходимъ Грековъ. И можетъ быть обычаи Аѳинянъ причиною, что мы не находимъ у Димосѳена разительныхъ эпилоговъ. Но и намъ заимствовать тѣ красоты, которымъ удивляются въ немъ Аттики, различное свойство Латинскаго языка иногда не позволяетъ. Чтожъ касается до слога письменнаго, коего образцы отъ того и другаго до насъ дошли, нѣтъ никакого сравненія между ими.

Правда, уступить надобно, что Димосѳенъ былъ прежде Цицерона, и что Римскій Витія, при всемъ своемъ достоинствѣ, много заимствовалъ отъ Аѳинскаго. Ибо мнѣ кажется, что Туллій, обративъ всѣ свои мысли на подражаніе Грекамъ, вмѣстилъ въ себѣ и силу Димосѳена,

и обиліе Платона, и пріятность Исократа. Онъ стараніемъ своимъ не только изъ каждаго извлекъ самое лучшее, но многія, или паче всѣ совершенства стяжалъ отъ самаго себя счастливою плодовитостію божественнаго своего разума. Ибо не дождевыя, да скажу съ Пиндаромъ, собираетъ капли воды, но въ себѣ самомъ находитъ обильный живой воды источникъ; онъ ниспосланъ Промысломъ на землю, кажется, для того, дабы явить въ немъ всѣ силы Краснорѣчія.

И дѣйствительно, кто можетъ точнѣе изложить дѣло? Кто тронетъ такъ сильно? Кто обладалъ такимъ сладкорѣчіемъ? Онъ вынуждаетъ, а тебѣ кажется, проситъ: судью увлекаетъ силою, а ему мнится, что добровольно за нимъ слѣдуетъ. Обо всемъ говоритъ съ такою важностію, что быть противнаго съ нимъ мнѣнія за стыдъ почитаешь: видишь въ немъ не заботливость защитника, а безподозрительную откровенность свидѣтеля и судіи. Все, что другому стоило бы величайшаго усилія, у него течетъ само собою; и чѣмъ прекраснѣе рѣчь, тѣмъ виднѣе легкость и гибкость ума его.

Почему современники его не безъ основанія говорили, что онъ царствовалъ въ судахъ: у потомковъ же достигъ той славы, что имя Цицерона, уже не человѣка, а самое Краснорѣчіе

означать стало. Итак на него обратимъ все наше вниманіе: его себѣ за образецъ возмемъ. Кому полюбится Цицеронъ, тотъ можетъ быть увѣренъ, что успѣлъ уже довольно.

Въ Азиніѣ Полліонѣ много Изобрѣтенія; рачительность въ высочайшей степени, такъ что нѣкоторые находятъ ее уже безмѣрною: довольно расположенія и силы; но отъ красоты и сладости Цицерона отстоитъ онъ такъ далеко, какъ будто жилъ прежде его цѣлымъ вѣкомъ.

Напротивъ Мессала чистъ, ясенъ, а слогъ его нѣкоторымъ образомъ благородное происхожденіе Писателя обнаруживаетъ: но недовольно силенъ.

Чтожъ касается до Юлія Цезаря, если бы занимался онъ однимъ Судебнымъ Краснорѣчіемъ, то никто бы изъ нашихъ Ораторовъ не могъ съ большимъ успѣхомъ спорить о первенствѣ съ Цицерономъ. Въ немъ такая сила, такая острота, такая пылкость, что, кажется, говорилъ онъ съ такимъ же мужествомъ, какъ и сражался. Всѣ высокія свои качества украшалъ удивительною чистотою слога; о чемъ всегда прилагалъ крайнее раченіе.

Целій имѣлъ много ума, и особенно имѣлъ великое искуство сопровождать обвиненія свои какою-то отмѣнною вѣжливостію: мужъ достойный и лучшаго поведенія и долголѣтнѣйшей жизни.

Есть люди, кои Калвва почитают выше всѣхъ нашихъ Ораторовъ; есть напротивъ, кои думают, что онъ излишнею къ самому себѣ строгостію, терялъ настоящую силу и твердость. Но слогъ его былъ важенъ, правиленъ, чистъ, иногда и стремителенъ. Онъ писалъ въ родѣ Аттическомъ: преждевременная смерть прекратила успѣхи его, если бы они всегда шли возрастая и отъ прямаго пути не уклоняясь.

Сервій Сульпицій пріобрѣлъ достойную славу за три рѣчи, въ судѣ имъ говоренныя. Много образцоваго можно найти въ Кассіѣ Северѣ, ежели читать его съ разсужденіемъ; и ежели бы къ прочимъ совершенствамъ присоединилъ болѣе разнообразія и важности, то могъ бы стать на ряду съ отличнѣйшими. Ибо въ немъ много ума; острота шутокъ удивительная, ловкость и сила въ превосходной степени: но больше увлекался страстію, нежели благоразумію слѣдовалъ; сверхъ сего, какъ шутки его язвительны, то часто самая язвительность сія въ смѣхъ обращалась.

Есть много и другихъ хорошихъ Ораторовъ: исчислять ихъ было бы долго. Изъ извѣстныхъ мнѣ Домицій Аферъ и Юлій Африканъ могутъ почесться отличнѣйшими. Первый превосходитъ чистотою выраженій и правилностію слога своего, такъ что смѣло можно сравнить его съ

древними писателями: вторый имѣетъ болѣе пылкости; но слишкомъ занимается выборомъ словъ, длиненъ въ періодахъ и безмѣренъ въ иносказаніяхъ.

У насъ были и недавно умы великіе. Трахаллъ большею частію былъ высокъ и довольно понятенъ. Онъ, кажется, искалъ всегда лучшаго. Но пріятнѣе было слушать, нежели читать. Ибо я ни въ комъ не находилъ толь благозвучнаго голоса, ни произношенія столь выразительнаго, что даже на театрѣ возбудилъ бы удивленіе: словомъ, вся наружность его была прекрасна. Вибій Криспъ плавенъ, пріятенъ и какъ бы невольно нравился, однако способнѣе былъ къ разбирательству дѣлъ частныхъ, нежели государственныхъ.

Юлій Секундъ, если бы продлился вѣкъ его, безсомнѣнія оставилъ бы по себѣ имя знаменитаго Оратора. Онъ прибавилъ бы, какъ-то и прибавлялъ каждодневно, къ рѣдкимъ своимъ качествамъ, чего еще въ нихъ недоставало; прибавилъ бы, говорю то, что сдѣлался бы сильнѣе, и болѣе старался бы о мысляхъ, нежели о слововыраженіи. Но хотя мы безвременно лишились его, но здѣсь заслуживаетъ онъ не послѣднее мѣсто. Такова была въ немъ способность слова, что съ пріятностію изъяснялъ все, что хотѣлъ; въ слогѣ соблюдалъ возможную чистоту, плав-

ность, приличіе; въ выраженіяхъ не отступалъ отъ прямаго знаменованія; даже выраженіямъ смѣлымъ и наудачу произнесеннымъ давалъ великую значительность.

Кто и послѣ меня будетъ писать объ Ораторахъ, найдетъ много причинъ и случаевъ достойно восхвалить тѣхъ, кои нынѣ процвѣтаютъ. Ибо и нынѣ есть знаменитые Витіи: опытнѣйшіе не перестаютъ подражать древнимъ, а вступающіе на сіе поприще стараются слѣдовать неуклонно по стезямъ первыхъ.

4). Остается нѣчто сказать о тѣхъ, кои писали о Любомудріи. Въ семъ родѣ весьма не многіе изъ Римлянъ прославились краснорѣчіемъ. Здѣсь М. Туллій, какъ и вездѣ, является соперникомъ Платону. Брутъ изряденъ, и гораздо превосходнѣе въ томъ же предметѣ, нежели въ судебныхъ рѣчахъ своихъ: никакой предметъ не превосходилъ силъ его: читая его, видишь, что онъ подлинно чувствовалъ самъ, о чемъ говорилъ. Корнелій Цельсъ, Скептическій Философъ, писалъ много: слогъ его довольно чистъ и правиленъ. Между Стоиками изъ Планка можно почерпнуть не мало полезныхъ свѣдѣній. Изъ Эпикурейцевъ Катій есть писатель, не слишкомъ основательный, однако не безъ пріятности.

О Сенекѣ, отличившемся во всѣхъ родахъ Краснорѣчія, говорить отложилъ досель нарочно

для того, дабы опровергнуть ложное мнѣніе, будто бы я не только охуждаю его, но и ненавижу лично. Такое заключеніе сдѣлано обо мнѣ изъ того, что всѣми силами стараюсь остановить искаженіе слога нашихъ Ораторовъ и ввести благоразумную разборчивость. Тогда молодые люди почти Сенеку одного читали съ удовольствіемъ. Я не думалъ отвращать ихъ отъ него; однако не попускалъ, чтобъ они предпочтительно занимались имъ предъ лучшими Авторами, которыхъ Сенека не преставалъ преслѣдовать потому, что, самъ находя слогъ свой различнымъ отъ ихъ слога, не надѣялся нравиться, доколѣ другіе будутъ въ уваженіи. Впрочемъ его болѣе любили, нежели подражали ему, и отъ него столько же удалялись, сколько онъ самъ уклонялся отъ древнихъ. Желательно бъ было, чтобъ приверженцы сего мужа старались сравняться съ нимъ, или по крайней мѣрѣ къ нему приближиться: но имъ нравились въ немъ одни недостатки; всякъ перенималъ ихъ, сколько могъ, и хвалясь, что говоритъ, какъСенека, безславилъ Сенеку.

Впрочемъ было въ немъ много и превосходныхъ качествъ: изобрѣтательный и обильный разумъ, величайшая начитанность и обширныя свѣдѣнія, въ которыхъ однако встрѣчаются иногда ошибки, произшедшія уповательно отъ тѣхъ, коимъ поручалъ онъ дѣлать для себя изъ книгъ

выписки. Занимался почти всѣми родами учености: сочинялъ рѣчи, стихи, письма и разговоры. Въ Философіи не вездѣ основателенъ, но силенъ въ обличеніи пороковъ.

Въ немъ много прекрасныхъ изреченій: много наставленій, къ нравственности относящихся: но слогъ почти повсюду неисправный, и тѣмъ заразительнѣйшій, что наполненъ *пріятными погрѣшностями.* Читая его, невольно пожелаешь, чтобъ онъ, при своемъ остроуміи, не соображался со своимъ вкусомъ. И ежели бы иное меньше пренебрегалъ, а за инымъ меньше гонялся, ежели бы не ко всему своему пристращался, и важности предметовъ не ослаблялъ острыми, но иногда мелочными мыслями, то слава его была бы тверже основана на одобреніи людей ученыхъ, нежели на любви неопытныхъ юношей?

При всемъ томъ не безполезно давать читать его уже въ умѣ повзмужалымъ и утвердившимся въ родѣ степеннѣйшаго Краснорѣчія, хотя для того, что можно тогда узнать и на лучшее направить вкусъ читающаго. Ибо, какъ я уже сказалъ, есть много не только похвалы, но и удивленія достойнаго: потребна одна разборчивость, которой въ семъ Писателѣ часто недоставало. Человѣкъ съ такимъ умомъ, который превозмогалъ все, что ни хотѣлъ, заслуживалъ, чтобы хотѣть всего лучшаго.

ГЛАВА II.

О ПОДРАЖАНІИ. (Imitatio).

I. Подражаніе полезно и нужно. II. Надобно разбирать, кому и въ чемъ подражать должно. III. Въ подражаніи наблюдается приличіе или сообразность предметовъ.—Не надобно пристращаться къ одному какому либо роду. — Или къ одному Автору. IV. Подражаніе состоитъ не въ словахъ только, а болѣе въ мысляхъ и выраженіяхъ.

I. Изъ сихъ-то и другихъ достойныхъ чтенія Авторовъ надлежитъ заимствовать и обиліе словъ, и богатство иносказаній, и способъ сочиненія: потомъ всемѣрно стараться подражать ихъ совершенствамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что немалая часть искуства зависитъ отъ подражанія. Ибо какъ первое и главное дѣло есть изобрѣтать, такъ и самое полезное есть похвальнымъ изобрѣтеніямъ сообразоваться. Да и все въ жизни нашей располагается по образцу: что

одобряемъ въ другихъ, то и сами дѣлать охотно стараемся: такъ дѣти, чтобы научиться писать, снимаютъ почеркъ съ буквъ въ данныхъ прописяхъ: такъ учащіеся музыкѣ голосъ учителя, живописцы избранный подлинникъ, селянинъ удачный въ земледѣліи опытъ примѣромъ себѣ поставляютъ. Мы видимъ, что начало всякаго изученія по предположеннымъ правиламъ усовершается. Мы необходимо должны быть или похожими или непохожими на хорошіе образцы свои: похожими дѣлаетъ рѣдко природа, подражаніе часто.

Но и та самая удобность наша пріобрѣтать о различныхъ вещахъ познаніе, удобность, которой люди первыхъ временъ лишены были по неимѣнію руководителей и примѣровъ, коимъ бы послѣдовать могли, и та самая удобность, говорю, обратится намъ во вредъ, ежели не будетъ сопровождаема благоразуміемъ и осторожностію. Итакъ вопервыхъ подражаніе само по себѣ не принесетъ пользы и по тому, что лѣнивый умъ обыкновенно довольствуется чужими только изобрѣтеніями. И дѣйствительно, что̀ было бы съ первобытными вѣками, когда бы люди, не имѣя никакихъ образцевъ, не стали ничего ни вымышлять, ни дѣлать, кромѣ того, что уже знали? Конечно при томъ одномъ и остались бы. По чему же не доискиваться, чего прежде не

было? Ежели грубые, однимъ природнымъ смысломъ руководимые, люди могли произвести толико открытій: то мы ли не побудимся на изъисканія, когда знаемъ, что они вѣрно находили, чего искали? И если, не будучи руководимы никакимъ наставникомъ, толико свѣдѣній предали потомству, то мы ли не воспользуемся тѣми свѣдѣніями еще для дальнѣйшихъ опытовъ, и останемся только при чужемъ стяжаніи, по примѣру нѣкоторыхъ живописцевъ, старающихся единственно о томъ, чтобъ списывать картины, наблюдая въ точности одну мѣру и очеркъ.

Да и стыдно останавливаться, сравнявшись съ образцемъ своимъ. Ибо что̀ было бы съ нами, ежели бы всякъ довольствовался однимъ подражаніемъ, вдаль не простираясь? Въ Поэзіи не имѣли бы мы ничего лучше Ливія Андроника, въ Исторіи ничего лучше лѣтописей жрецовъ нашихъ: плавали бы еще на плотахъ: не знали бы въ Живописи, кромѣ очерка тѣней, наводимыхъ тѣлами при солнечномъ свѣтѣ. Изочти всѣ художества, ни одного не найдешь, которое осталось бы таковымъ, каковымъ изобрѣтено было первоначально: не уже ли одинъ нашъ вѣкъ осужденъ на ту злополучную участь, что намъ къ старому ничего новаго прибавить невозможно? Ибо однимъ подражаніемъ не льзя достигнуть сей цѣли. Ежели не присовокуплять ничего

къ тому, что прежде насъ было, то какъ надѣяться когда-либо увидѣть совершеннаго Оратора, если и въ самыхъ превосходнѣйшихъ, доселѣ намъ извѣстныхъ Витіяхъ, примѣчается или недостатокъ или излишество?

Но, и не льстясь достигнуть самой высокой степени совершенства, не должно, такъ сказать, опускать рукъ, и рабски слѣдовать за образцемъ своимъ: потребно благороднѣйшее усиліе. Кто старается быть первымъ, если другихъ иногда не превзойдетъ, по крайней мѣрѣ сравнятся съ ними. Сравниться никакъ не можно съ тѣмъ, по слѣдамъ коего неуклонно идти себѣ предположимъ. Ибо тотъ всегда назади, кто выпередить не смѣетъ.

Прибавьте, что гораздо легче сдѣлать больше, нежели тоже сдѣлать точно. Ибо такъ трудно сравняться во всей точности, что и самая природа не произвела ничего толь сходнаго, въ чемъ бы не льзя было примѣтить различія, какъ бы ни скрыто оно казалось.

Прибавьте еще, что всякая уподобляемая вещь есть слабѣе и маловажнѣе той вещи, которой уподобляется: такъ тѣнь предъ тѣломъ, живописное лицеизображеніе предъ естественными чертами, дѣйствіе комедіанта передъ истинными чувствованіями. Тоже бываетъ съ рѣчами Ораторскими: въ тѣхъ, которыя беремъ за обра-

зецъ, находится естественная, истинная сила: напротивъ всякое подражаніе есть принужденно; ибо къ чужому расположенію приспособляется. По сему-то въ Декламаціяхъ меньше разительности, нежели въ рѣчахъ настоящихъ: поелику предметъ однихъ есть истинный, а другихъ вымышленный.

Прибавьте наконецъ, что нѣкоторыхъ превосходныхъ въ Ораторѣ качествъ невозможно пріобрѣсть подражаніемъ, какъ-то остроты разума, способности въ изобрѣтеніи, стремительности, легкости, словомъ, всего того, на что не льзя преподать точныхъ правилъ. Почему многіе, взявъ изъ чуждыхъ рѣчей нѣкоторыя выраженія, или нѣкоторые обороты въ слогѣ, воображаютъ, что они уже достигли великаго совершенства: а между тѣмъ и языкъ измѣняется со временемъ, и слова старѣютъ, для которыхъ вѣрнѣйшій законъ есть употребленіе, и которыя не сами по себѣ хороши или худы (ибо онѣ суть только звуки); но имѣютъ свое достоинство по мѣрѣ того, какъ и гдѣ употреблены будутъ: и что выраженія и слогъ тогда единственно бываютъ пріятны, когда соотвѣтствуютъ предметамъ.

II. Итакъ надлежитъ съ величайшимъ вниманіемъ разсмотрѣть все, что ни касается до сей части ученія. И вопервыхъ смотрѣть, кому

подражать хотимъ. Ибо многіе избираютъ для себя самые худые и ни къ чему негодные образцы: потомъ разсуждать, что достойнаго подражанія въ тѣхъ самыхъ, кои избираемъ. Поелику въ самыхъ лучшихъ Авторахъ встрѣчаются иногда недостатки и такія мѣста, которыя Учеными взаимно не одобряются: только дай Богъ, чтобъ мы, подражая доброму, научились сочинять и говорить еще лучше, какъ подражая худому, обыкновенно сочиняемъ и говоримъ еще хуже.

Но еще недовольно, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кои имѣютъ столько разсудка, что могутъ избѣгать пороковъ, когда станутъ представлять себѣ поверхностное совершенство и одну, такъ сказать, кору, или иначе тѣ призраки, которые, по мнѣнію Эпикура, происходятъ отъ поверхности тѣлъ. И сіе обыкновенно случается съ тѣми, кои, совсѣмъ не вникая въ существенныя качества сочиненія, съ перваго взгляду оное за образецъ себѣ принимаютъ; весь успѣхъ подражанія ограничивается тѣмъ, что нѣкоторыми выраженіями и ходомъ рѣчи нѣсколько приближатся къ подлиннику; силы же и плодовитости его не достигаютъ; а еще уклонятся чаще на худшее, и недостатками, къ совершенствамъ близкими, нечувствительно плѣнятся такъ, что, желая быть высокими, дѣ-

лаются надутыми; гоняясь за краткостію, сухими; стараясь показать силу и твердость, обнаруживают одно безразсудство; ища казаться забавными, становятся непристойными; усиливаясь быть въ словосочиненіи и періодахъ мѣрными, выходятъ за предѣлы потребной точности; прилѣпляясь къ простотѣ, впадаютъ въ порокъ небреженія.

По сему-то нынѣ самые грубые, холодные и пустые Ораторы не стыдятся сравнивать себя съ древними: не имѣющіе ни красоты, ни мыслей, хвалятся вкусомъ Аттическимъ: наблюдающіе краткость до невразумительности, ставятъ себя выше Саллюстія и Ѳукидида: сухіе и небрежные говорятъ, что подражаютъ Полліону: низкіе и пустословіемъ заглушающіе, коль скоро мысль свою одѣнутъ многорѣчіемъ, увѣряютъ, что такъ точно и самъ Цицеронъ изъяснялся. Я зналъ нѣкоторыхъ, коимъ казалось, что они уже совершенно постигли неоцѣненный даръ сего великаго мужа, когда удавалось имъ кончить періодъ словами: *esse videatur.* Итакъ прежде всего надобно знать, чему хотимъ подражать, и чѣмъ оно достойно подражанія. Потомъ надлежитъ съ предпріемлемымъ трудомъ соразмѣрить свои силы. Ибо есть вещи, которымъ подражать или слабость природы не позволяетъ, или намъ вовсе несвойственно. Человѣкъ ума тонкаго,

нѣжнаго, не долженъ избирать одни предметы сильные и стремительности требующіе: и тотъ, кто имѣетъ разумъ твердый, но пылкій и бѣглый, гоняясь за мыслями тонкими, потеряетъ силу свою, и не достигнетъ нѣжности, которую показать желаетъ. Ибо нѣтъ ничего несообразнѣе, какъ обращаться грубо съ вещію, требующею весьма осторожныхъ пріемовъ.

Во второй (гл. 9, стр. 117) книгѣ сего моего сочиненія я уже сказалъ въ наставленіе учащимъ, что умы учащихся надлежитъ обращать не на одно то, къ чему каждый изъ нихъ кажется способнѣе. Правда, онъ долженъ способствовать ихъ добрымъ природнымъ расположеніямъ, и сколько можно, прибавлять къ нимъ, чего недостаетъ, а иное исправлять и перемѣнять; онъ воленъ управлять умами другихъ по своему усмотрѣнію; труднѣе самаго себя передѣлать. Однако наставникъ сей, сколько бы ни желалъ видѣть въ своихъ воспитанникахъ всѣ возможныя совершенства, не будетъ слишкомъ настоять на томъ, чего не дано отъ природы.

III. Надобно также остерегаться, въ чемъ погрѣшаютъ, чтобъ для прозы не избирать въ подражаніе ни Стихотворцевъ, ни Историковъ, такъ какъ Ораторовъ или Декламаторовъ для писанія исторій или стиховъ. Каждый родъ Краснорѣчія имѣетъ свои законы, свое приличіе.

Въ Комедіи неумѣстна высокопарность, въ Трагедіи простарѣчіе. Всякой родъ имѣетъ однако нѣчто общее между собою: вотъ чему подражать должно.

Еще встрѣчается обыкновенный порокъ въ тѣхъ, кои прилѣпляются къ одному какому-либо роду, что, если имъ понравится въ комъ нибудь жестокость и упорство, то они держатся ея и тамъ, гдѣ нужна кротость и умѣренность: если полюбится легкость и простота, они подражаютъ имъ, говоря и въ дѣлахъ важныхъ, требующихъ твердости; и тѣмъ рѣчь бываетъ несоотвѣтственна своимъ предметамъ. Они забываютъ, что не только судныя дѣла различны между собою, но и каждое въ нихъ обстоятельство требуетъ особеннаго изложенія: объ иномъ говорить надобно скромно, либо рѣзко, о другомъ стремительно или тихо; третье наконецъ вводится для поясненія, либо для возбужденія страстей; и все сіе дѣлается разнообразно.

Почему я не совѣтовалъ бы и прилѣпляться къ одному какому ни есть Автору, и ему точь въ точь во всемъ послѣдовать. Между Греками Димосѳенъ есть, безсомнѣнія, совершеннѣйшій Ораторъ; но въ иныхъ мѣстахъ другіе лучше его. Въ немъ множество красотъ: но изъ того, что ему наиболѣе подражать надобно, не слѣдуетъ, чтобы только ему одному подражать

надлежало. Чтожъ? развѣ недовольно того, чтобы говорить такъ, какъ говорилъ Цицеронъ? Конечно, было бы для меня довольно, если бы я во всемъ ему уподобиться могъ. Но что же и худаго, когда будемъ стараться заимствовать отъ Цезаря силу, отъ Целія колкость, отъ Поллiона точность, отъ Кальва разборчивость, гдѣ только позволитъ случай? Ибо, кромѣ того, что какъ благоразуміе требуетъ обращать въ свою пользу все, что ни находимъ лучшаго въ каждомъ; въ толь затруднительномъ предпріятіи едва ли и нѣкоторую часть постигнуть можно, положивъ себѣ за образецъ одного какого нибудь Автора. И для того, поелику выше почти силъ человѣческихъ во всемъ и совершенно послѣдовать избранному нами Автору, то обратимъ вниманіе на изящнѣйшія качества многихъ, дабы, позаимствовавъ отъ одного то, отъ другаго другое, можно было употребить, гдѣ и что будетъ прилично.

IV. Подражаніе же (и я часто повторять сіе буду) не должно имѣть предметомъ однѣ слова. Надобно болѣе всего устремлять вниманіе на то, какое благоприличіе наблюдали Ораторы сіи и въ вещахъ и лицахъ, какой порядокъ и расположеніе; съ какимъ искуствомъ обращали въ свою выгоду даже и то, что говорили, какъ казалось, безъ намѣренія и для одного удовольствія;

*

какъ составленъ Приступъ, какъ изложено Повѣствованіе; какая сила въ доказательствахъ и опроверженіяхъ; какое искусство въ возбужденіи различныхъ страстей и чувствованій: и какою похвалою успѣхъ увѣнчевался: всеобщее одобреніе есть прекраснѣйшая мзда Оратору, когда онъ не добивается рукоплесканій, а ихъ возбуждаетъ естественно. Вотъ въ чемъ состоитъ прямое подражаніе.

Но кто къ симъ пособіямъ присоединитъ еще свои собственныя добрыя качества, дополнитъ, чего недоставало, и убавитъ, гдѣ былъ излишекъ, тотъ будетъ совершенный Ораторъ, какого мы ищемъ: и нынѣ тѣмъ паче надлежитъ стараться объ успѣхахъ въ Краснорѣчіи, чѣмъ больше имѣемъ образцевъ, какихъ не имѣли тѣ, коимъ еще и нынѣ удивляемся. Ибо имъ обратится въ похвалу и то, что превзошли своихъ предковъ, а потомковъ научили.

ГЛАВА III.

О ПИСАНІИ. (de Scribendo).

I. Польза отъ сего упражненія. II. Симъ заниматься надлежитъ съ великимъ прилѣжаніемъ, особливо съ начала. III. Осуждаетъ нѣкоторыхъ за упрямство въ писаніи. IV. Охуждаетъ привычку заставлять писать другихъ вмѣсто себя. V. Полезно ли заниматься по ночамъ. VI. На дощечкахъ ли, натертыхъ воскомъ, или на пергаминѣ писать надобно, и какъ.

I. Помянутыя выше пособія можно назвать посторонними; между тѣми же, которыя отъ насъ самихъ зависятъ, гораздо и труднѣе и полезнѣе есть упражненіе въ писаніи. И Цицеронъ не безъ причины называетъ перо (stylus) наилучшимъ творцемъ и наставникомъ Краснорѣчія. Сіе мнѣніе влагаетъ онъ въ уста Л. Красса при разговорахъ объ Ораторѣ, дабы свое собственное сужденіе подкрѣпить важностію сего великаго мужа.

Итакъ писать надобно со всякимъ раченіемъ и, сколько можно, больше. Ибо какъ земля чѣмъ глубже взрыта, тѣмъ способнѣе къ произращенію и питанію сѣмянъ, ей ввѣренныхъ: такъ и разумъ, не поверхностно воздѣланный, обильнѣе плоды приноситъ, и вѣрнѣе ихъ сохраняетъ. А безъ сего самая способность изъясняться на всякой случай, не готовясь, произведетъ одно пустое многорѣчіе и слова необдуманныя, и на устахъ только раждающіяся. Отъ сего-то упражненія пускается корень нашего ученія: отсюда начинается основаніе; здѣсь-то сокрыто богатство наше, какъ въ священномъ хранилищѣ, изъ коего берется оно, при постигшей нечаянно надобности. Но прежде всего постараемся пріобрѣсть силы, соразмѣрныя трудному подвигу, и употребленіемъ неистощимыя. Ибо и сама природа ничего великаго не производитъ скоро, и со всякимъ прекраснымъ дѣломъ соединила трудность: да и въ рожденіи животныхъ такой законъ постановила, что чѣмъ огромнѣе онѣ тѣломъ, тѣмъ долѣе содержатся въ матерней утробѣ.

II. Но здѣсь представляются два вопроса: какъ писать, и что̀ особенно писать должно. Я въ отвѣтѣ буду слѣдовать тому же порядку. И вопервыхъ, пусть будетъ упражненіе наше трудно и медленно, лишь только было бы рачительно

и точно: станемъ искать всегда лучшаго, не будемъ довольствоваться первымъ опытомъ: разсудимъ хорошенько о томъ, что̀ изобрѣтемъ, за тѣмъ потщимся располагать правильнѣе то, что̀ найдемъ одобренія достойнымъ. Ибо надлежитъ наблюдать выборъ и въ мысляхъ и выраженіяхъ, и взвѣшивать силу тѣхъ и другихъ.

Потомъ помыслимъ о расположеніи словъ; ихъ должно ставить, смотря на теченіе и плавность рѣчи, а не такъ, какъ онѣ съ языка иногда срываются. Дабы исполнить сіе съ лучшимъ успѣхомъ, надлежитъ часто обращаться на послѣдненписанныя строки. Ибо кромѣ того, что такимъ образомъ лучше свяжемъ послѣдующее съ предъидущимъ, и жаръ мыслей, который медленностію письма нѣсколько охлаждается, опять возбуждается, и какъ бы собравшись съ силою, принимаетъ новое стремленіе. Подобно какъ желающіе перескочить нѣкое пространство, далеко отступаютъ назадъ, дабы скорѣе достичь до условленной цѣли: или какъ при натягиваніи лука отводимъ назадъ руки, и чтобъ пустить стрѣлу, вытягиваемъ тетиву.

Однако при попутномъ вѣтрѣ можно и усилить паруса, лишь только бы сія вольность не ввела въ заблужденіе. Ибо всякому свой первенецъ нравится: иначе, мы бы и не писали. Итакъ надлежитъ опять приниматься за изслѣдованіе

и пересмотръ произведенія, легкость коего должна намъ быть всегда подозрительна. Извѣстно, что такимъ образомъ писалъ Саллюстій; тщаніе его доказывается самымъ сочиненіемъ. Варъ повѣствуетъ, что и Виргилій сочинялъ весьма по малому числу стиховъ на день.

Конечно, состояніе Оратора совсѣмъ другое; почему и требую сей медленности и заботливости только при началѣ. Ибо за первое правило и главною цѣлію постановить себѣ надлежитъ то, чтобы писать, сколько можно, лучше. Навыкомъ пріобрѣтется и скорость. Мало по малу вещи удобнѣе предъ нами раскроются, слова будутъ вещамъ соотвѣтствовать, и наконецъ все, какъ въ благоустроенномъ семействѣ, пойдетъ въ надлежащемъ порядкѣ. Короче сказать: сочиняя скоро, не льзя научиться хорошо сочинять; а сочиняя хорошо, не трудно навыкнуть хорошо сочинять.

Но когда уже достигнемъ сей скорости и легкости, тогда наипаче нужна осмотрительность, дабы не увлечься сею удобностію за надлежащія границы, наподобіе коня необузданнаго: такая осторожная осмотрительность не только не задержитъ насъ, а придастъ еще новыя для дальнѣйшаго шествія силы.

III. Съ другой стороны, когда слогъ нашъ придетъ въ нѣкоторую зрѣлость, не должно

затрудняться при каждомъ словѣ, при каждомъ выраженіи, и, къ собственному мученію, выискивать непрестанно что̀ ниесть иное всегда новое. Ибо надлежало бы оставить всѣ обязанности общежитія, ежели бы все время наше употребили на такое подробное обозрѣніе каждой части въ рѣчахъ судебныхъ. Но есть люди, коихъ ничто удовольствовать не можетъ: все перемѣняютъ, все иначе сказать хотятъ: люди недовѣрчивые къ самимъ себѣ и объ умѣ своемъ худое мнѣніе воспріявшіе, кои мучиться такимъ образомъ надъ своимъ сочиненіемъ ставятъ себѣ въ достоинство, почитая то надлежащею исправностію. Трудно сказать, кто болѣе погрѣшаетъ, тѣ ли, коимъ все свое нравится, или тѣ, кои ничѣмъ своимъ недовольны. Ибо часто случается, что молодые люди и съ хорошими способностями безполезно сохнутъ надъ своими трудами, и наконецъ осуждаютъ себя на молчаніе единственно по тому, что овладѣла ими непомѣрная страсть искать совершенно изящнаго.

Я при семъ вспомнилъ, что расказывалъ мнѣ однажды Юлій Секундъ, мой современникъ, и съ которымъ я, какъ извѣстно, былъ весьма друженъ; онъ имѣлъ удивительный даръ слова, но любилъ точность до безмѣрности. У него былъ дядя Юлій Флоръ, который почитался между лучшими Ораторами въ Галліи, куда житъ по-

помъ переселился; сей достойный родственникъ, когда еще Секундъ находился въ училищѣ, увидѣвъ случайно племянника своего въ великой задумчивости, спросилъ его, отъ чего онъ мраченъ: молодый человѣкъ чистосердечно отвѣчалъ, что уже третій день трудится и не можетъ найти приличнаго Приступа для заданной на урокъ рѣчи: что это не только теперь его печалитъ, но и на будущее время оставляетъ ему худую надежду. Тогда Флоръ, усмѣхнувшись, сказалъ: *Не уже ли ты хочешь сочинить лучше, нежели сможешь?* То же и я скажу: надобно стараться говорить, сколько можно, лучше, однако не должно домогаться того, что выше силъ нашихъ; ибо для полученія успѣховъ потребно непрерывное прилѣжаніе, а не досада и уныніе.

Но способность писать много и скоро пріобрѣтается не однимъ упражненіемъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что оно служитъ великимъ къ тому пособіемъ: нуженъ еще и порядокъ и извѣстный способъ въ занятіяхъ: то есть, вмѣсто того, чтобъ, загнувъ назадъ голову, уставивъ глаза вверхъ, и повтореніемъ нѣкоторыхъ несвязныхъ словъ, какъ бы понуждать мысли свои въ томъ ожиданіи, не попадется ли чего ни есть на умъ случайно, станемъ болѣе разсуждать, чего требуетъ дѣло, что̀ прилично тяжущимся, смотрѣть на обстоятельства времени, на располо-

женіе судьи, и потомъ уже начнемъ писать съ духомъ спокойнымъ и непринужденнымъ. Тогда сама природа покажетъ, какъ начать и какъ продолжать рѣчь нашу. Ибо многое само собой глазамъ представляется, когда смотрѣть захотимъ: по сему-то люди простые и безграмотные не долго ищутъ, съ чего начать изъяснять свои мысли: какой же стыдъ, при ученіи нашемъ, въ такихъ случаяхъ затрудняться! Итакъ не всегда надлежитъ за самое лучшее почитать то, чего мы не достигаемъ: а иначе ежели бы надлежало только говорить то, чего выдумать мы не могли, то оставалось бы только молчать.

Въ противный порокъ впадаютъ тѣ, кои, набросавъ сперва на скоро мысли свои на бумагу, и увлекаясь пылкостію и стремленіемъ своего воображенія, пишутъ, что̀ имъ ни пришло въ голову: потомъ пересматриваютъ и приводятъ въ порядокъ: но поправляютъ однѣ слова и теченіе рѣчи, а въ мысляхъ, толь спѣшно изложенныхъ, остается прежняя несообразимость. Итакъ лучше съ самаго начала употреблять стараніе и такъ вести все дѣло, дабы оставалось только очищать, какъ рѣзцомъ, а не снова передѣлывать. Впрочемъ, иногда можно слѣдовать и внутреннему влеченію чувствованій, къ выраженію которыхъ нуженъ болѣе жаръ, нежели стараніе и точность.

IV. Охуждая такое небреженіе въ Сочинителяхъ, довольно показываю, какихъ я мыслей о тѣхъ, кои, лѣнясь писать сами, возлагаютъ трудъ сей на посторонняго. Въ письмѣ, какъ бы оно спѣшно ни было, остается нѣсколько времени на размышленіе, поелику рука не можетъ слѣдовать за быстротою мысли: писецъ же, коему сказываемъ, насъ всегда, такъ сказать, понуждаетъ; притомъ же бываетъ стыдно останавливаться, или запинаться, или дѣлать поправки, боясь, чтобъ онъ не сдѣлалъ худаго заключенія о нашей способности. Отъ чего происходитъ, что многое вырывается не только необдуманное и на удачу сказанное, но и вовсе несообразное, потому что хочется скорѣе связать мысль съ мыслію: тутъ не льзя показать ни рачительности, приличной пишущему, ни пылкости, свойственной говорящему. А ежели писецъ случится или медленъ въ письмѣ, или неисправенъ въ чтеніи, то по необходимости причиняетъ досадную остановку: и тогда первое напряженіе ума отъ медленія, а часто и отъ негодованія совсѣмъ ослабляется.

Кромѣ того, при сочиненіи вырываются въ жару движенія, которыми обнаруживается духъ нашъ, и даже возбуждается, какъ-то: размахиваемъ руками, морщимся, на всѣ стороны ворочаемся, а иногда и бранимся; что все исчи-

слилъ Персій, говоря о легкомъ и небрежномъ слогѣ: *Nec pluteum caedit, nec demorsos sapit ungues*, (т. е. не бьетъ рукой по столу, ни ногтей не кусаетъ): всѣ такія движенія смѣшны, когда мы не одни бываемъ.

Наконецъ главнѣйшая невыгода употребленія чужой руки для письма состоитъ въ томъ, что какъ отъемлется свобода для размышленія, такъ нарушается и тишина, необходимо нужная сочиняющему.

Однакожъ не совсѣмъ надобно слушаться тѣхъ, кои почитаютъ удобнѣйшими для сего мѣстами рощи и лѣса, подъ предлогомъ, яко бы открытое небо и пріятность мѣстоположеній возвышаютъ душу и внушаютъ чистѣйшія мысли. Такое уединеніе, мнѣ кажется, болѣе пріятно, нежели сколько полезно для ученыхъ упражненій. Ибо тѣже самые предметы, кои насъ увеселяютъ, должны необходимо развлекать наше вниманіе; не льзя совершенно вперить всей мысли вдругъ на многое: куда ни оборотишься, новый предметъ къ себѣ ее призываетъ, а предположенный забывать заставляетъ. Почему и прелесть дубравъ, и пріятное журчаніе источниковъ, и колеблющій древесныя вѣтви вѣтерокъ, и пѣніе птицъ, и самая свобода простирать вдаль наши взоры, словомъ, все къ себѣ привлекаетъ, такъ что сіе удовольствіе, по мнѣ-

нію моему, болѣе ослабляетъ, нежели напрягаетъ мысли. Димосѳенъ лучше дѣлалъ, укрываясь въ такое мѣсто, откуда ни слышать, ни видѣть ничего не могъ, дабы глаза не заставили умъ дѣйствовать иначе, какъ ему хотѣлось.

V. Итакъ всего лучше для ученыхъ занятій нощная тишина, уединенный уголокъ и скромный свѣтъ: мы тогда одни сами съ собою. Но какъ во всякомъ родѣ упражненій, такъ особенно въ семъ нужно крѣпкое здоровье, и доставляющая оное умѣренность: ибо мы тогда на тягчайшій трудъ обращаемъ такое время, которое дано самою природою на успокоеніе и на подкрѣпленіе силъ нашихъ. Однако не надлежитъ лишать себя потребнаго сна; ибо утомленіе также мѣшаетъ успѣхамъ: кто свободенъ, для того довольно и дневнаго времени потрудиться: занятыхъ дѣлами сидѣть ночью только нужда заставляетъ. Впрочемъ, самое лучшее и полезнѣйшее упражненіе есть то, за которое, освѣжась и собравшись съ силами, принимаемся.

Но какъ тишина, уединеніе и свобода духа, сколько ни желательны, не всегда зависятъ отъ нашей воли, то и не должно, при всякомъ шумѣ или помѣшательствѣ, тотчасъ бросать свое занятіе и день считать потеряннымъ: напротивъ, надлежитъ превозмогать неудобства, и пріучать себя всѣ препятствія побѣждать вниманіемъ,

которое, если все устремишь на предположенный предметъ, не допустишь ни глазамъ, ни ушамъ возмутить нашу душу. Ежели и случайно шакъ иногда углубляемся въ мысли, что не видимъ, кто попадается намъ на встрѣчу, или идемъ по иной дорогѣ, нежели надобно: не уже ли не льзя привести въ подобное же состояніе умъ нашъ, когда захотимъ постараться?

Не должно искать предлоговъ къ извиненію нашей лѣности. Ибо, если вздумаемъ не иначе приступать къ ученымъ упражненіемъ, какъ съ духомъ бодрымъ, веселымъ и отъ всѣхъ другихъ попеченій свободнымъ, то всегда будемъ имѣть причину снисходить и прощать себѣ. По чему и при многолюдствѣ, и въ дорогѣ, и на пиршествахъ, и даже посреди народныхъ собраній, помышленіе наше должно умѣть находить для себя нѣкоторый родъ пустыни. А иначе, что было бы съ нами, когда посреди судилища, при многоразличіи дѣлъ, при спорахъ, и даже при возставшихъ неожиданно вопляхъ, будетъ нужно продолжать рѣчь прилично обстоятельствамъ, нечаянно открывающимся, ежели сообразить мыслей, на письмѣ изложенныхъ, безъ уединенія и тишины будемъ не въ состояніи? Для сего-то Димосѳенъ, толико любившій спокойствіе для успѣховъ въ ученіи, выходилъ размышлять на морской берегъ, гдѣ наиболѣе шумѣли волны, и

тѣмъ пріучалъ себя не страшиться буйныхъ смятеній въ собраніи цѣлаго народа.

VI. Не надлежитъ пренебрегать и самыхъ малостей, если можно что нибудь назвать малостію въ ученіи. Я полагаю, что всего лучше писать на восковавныхъ дощечкахъ, на которыхъ удобнѣе стирать можно, что намъ не понравится, ежели только по слабости зрѣнія не будемъ принуждены прибѣгать къ употребленію *пергамина*, которымъ глазъ хотя и облегчается, но частое обмакиваніе пера (calamus) замедляетъ дѣйствіе руки, и ослабляетъ стремленіе мыслей.

При томъ и другомъ способѣ, не худо оставлять пустыя мѣста, гдѣ можно было бы дѣлать нужныя приписки. Ибо тѣснота строчекъ и недостатокъ мѣста отнимаютъ охоту поправлять написанное; или вставкою поправокъ дѣлается письмо неразборчивымъ.

Не совѣтовалъ бы я употреблять письменныхъ дощечекъ слишкомъ огромныхъ. Я зналъ одного молодаго человѣка, впрочемъ разумнаго, который сочинялъ предлинныя рѣчи только по тому, что измѣрялъ ихъ по числу строчекъ: и сей порокъ, котораго частыми увѣщаніями исправить было не можно, перемѣною таблицъ или дощечекъ вовсе отвращенъ.

Надобно также оставлять довольно большія поля, для помѣщенія или записыванія того, что

пишущему на умъ приходитъ и внѣ порядка, то есть, изъ другихъ мѣстъ, кромѣ настоящаго предмета. Ибо часто встрѣчаются прекрасныя мысли, которыхъ помѣстить въ сочиненіи не льзя, а оставить безъ замѣчанія не хорошо потому, что могутъ забыться; а ежели непрестанно держать ихъ въ памяти, то другія легко потеряются. Итакъ всего лучше откладывать ихъ въ запасъ.

ГЛАВА IV.

О ПЕРЕСМОТРѢ СОЧИНЕНІЙ И ПОПРАВКАХЪ.

(Emendatio.)

Теперь слѣдуетъ пересмотръ, поправка написаннаго, часть ученія самая полезная. И не безъ причины сказано, что грифиль (*), stylus, столько же нуженъ для стиранія, сколько и для писанія. Подъ симъ разумѣются всякія прибавленія, убавленія и другія перемѣны въ написанномъ нами. Впрочемъ прибавки или убавки не требуютъ дальнаго разсужденія и заботы; но понижать, что̀ надуто, возвышать, что̀ низко, умѣрять излишество, несообразное приводить въ порядокъ, несвязное соединять, и всему тому давать надлежащую мѣру, будетъ уже стоить двойнаго труда. Ибо часто понадобится иное выбрасывать, что̀ прежде нравилось, другое выдумывать, чего тогда не приходило въ голову.

(*) Грифиль отъ Греческаго слова γράφω, пишу. Stylus, письменное орудіе у древнихъ было съ одного конца острое, съ другаго тупое: однимъ концемъ писали, другимъ стирали написанное.

И нѣтъ сомнѣнія, что самый лучшій способъ исправлять свои сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы откладывать ихъ на нѣкоторое время совсѣмъ въ сторону, и послѣ приняться за нихъ, какъ за новое и постороннее произведеніе, дабы любовь къ собственному изчадію, лишь только свѣтъ узрѣвшему, насъ не ослѣпляла.

Но поступать такимъ образомъ не всегда можно, особливо Оратору, которому часто понадобится сочинять для настоящаго употребленія, не терпящаго отлагательствъ; да при томъ и самыя поправки должны имѣть конецъ. Ибо есть писатели, кои всякое сочиненіе почитаютъ еще неисправнымъ, и какъ будто бы все прежнее не годилось, всегда что ниесть новое прибавлять стараются: они всякой разъ, какъ берутъ въ руки свое твореніе, поступаютъ, какъ врачи, здоровыя части тѣла отсѣкающіе. А отъ того и случается, что ихъ сочиненія являются, какъ бы язвинами покрытыя, слабыя и отъ излишней выработки гораздо худшими. Итакъ иногда лучше оставлять ихъ такъ, чтобы онѣ хотя нѣсколько намъ нравились, или казались достаточными: дабы пила только чистила, а не перетирала издѣлія.

Для сего также употребляемое время должно имѣть свой предѣлъ. Сказываютъ, что Стихотворецъ Цинна сочинялъ трагедію, *Смирна*

называемую, цѣлыя девять лѣтъ, а Исократъ, по крайней мѣрѣ, десять употребилъ на сочиненіе Похвальнаго Слова. Но такіе примѣры не касаются Оратора: если онъ будетъ столько же медленъ, то никакой помощи ожидать отъ него не можно.

ГЛАВА V.

КАКІЕ ОСОБЕННО ПРЕДМЕТЫ ИЗБИРАТЬ НАДОБНО ДЛЯ ПИСЬМЕННЫХЪ УПРАЖНЕНІЙ.

I. Переводить сперва съ Греческаго языка на Латинскій, и потомъ обратно.—Даже и на одномъ своемъ языкѣ дѣлать разныя преложенія. II. Чѣмъ простѣе предметъ, тѣмъ полезнѣе для начинающаго.—Предложенія, доказательство и опроверженіе мнѣній.—Общія мѣста.—Декламаціи.—Исторія, разговоры, стихи. — Слышанныя судныя рѣчи передѣлывать въ пользу той и другой стороны.

I. Теперь слѣдуетъ показать, чѣмъ особенно усовершается способность сочинять въ молодомъ писателѣ. Было бы излишно означать, какіе именно предметы, которые прежде, и которые потомъ или напослѣдокъ должны принадлежать къ сему занятію. Ибо говорено уже ономъ въ первой книгѣ, гдѣ показанъ порядокъ ученія для дѣтей, и во второй, гдѣ возрастнѣйшимъ

преподавалось наставленіе. Здѣсь же идетъ дѣло о такомъ упражненіи, коимъ наиболѣе пріобрѣтается обиліе словъ и легкость выраженій. И вопервыхъ лучшимъ для сего пособіемъ древніе наши Ораторы почитали переводы съ Греческаго языка на Латинскій. Въ твореніи Цицерона объ Ораторѣ, Л. Крассъ признается, что [redacted] рѣдко ими занимался. Да и самъ Цицеронъ отъ собственнаго лица своего на многихъ мѣстахъ совѣтуетъ тѣмъ же заниматься: онъ даже перевелъ [redacted] издалъ нѣкоторыя творенія Платона и Ксенофонта. Мессала также любилъ упражняться въ переводахъ, переложилъ многія рѣчи Греческихъ Ораторовъ, [redacted] между прочими рѣчь Иперида за Фрину, съ такимъ успѣхомъ, что нѣжность слога, толь трудная для Римлянина, не уступаетъ подлиннику.

Выгода отъ сего упражненія очевидна. Ибо Греческіе Писатели и превосходными мыслями изобилуютъ, и Краснорѣчіе вознесли [redacted] высочайшую степень. Переводя ихъ, можно заимствовать лучшія выраженія: для сего языкъ нашъ достаточенъ. Иносказанія же, которыми рѣчь наиболѣе украшается, [redacted] многихъ случаяхъ надлежитъ по необходимости свои выдумывать: ибо свойство Греческаго языка со свойствомъ Латинскаго весьма часто не сходится.

Полезно также и Латинскимъ сочиненіямъ давать иный видъ, употребляя другіе обороты и другія реченія для того же содержанія. Въ разсужденіи стиховъ, я думаю, всякъ со мною согласится, и сказываютъ, что Сульпицій, для усовершенствованія своего въ Краснорѣчіи, почиталъ сей родъ упражненія самымъ способнымъ. Ибо и пылкость духа, свойственная Поэтамъ, можетъ возвысить слогъ нашъ, и стихотворческая вольность въ выраженіяхъ преподастъ способность свободнѣе и точнѣе изъясняться. Самыя мысли ихъ можно подкрѣплять приличною Оратору важностію; опущенное дополнять, излишнее отсѣкать. Я отнюдь не хочу, чтобы такое преложеніе состояло въ одномъ простомъ истолкованіи, но въ соревнованіи и непринужденномъ подражаніи Автору въ его мысляхъ.

Почему я и не согласенъ съ мнѣніемъ тѣхъ, кои запрещаютъ перелагать показаннымъ образомъ Латинскія рѣчи подъ предлогомъ, яко бы узнавшему лучшее должно показаться худшимъ, коль скоро будетъ иначе выражено. Но по что отчаеваться, что послѣ хорошаго не можно уже изобрѣсти ничего лучшаго? Не уже ли Краснорѣчіе естественно такъ скудно и безплодно, что объ одной и той же вещи не льзя сказать превосходно, какъ только однажды? Ежели Комедіантъ можетъ тѣже самыя слова выражать различными

тѣлодвиженіями, то не уже ли Ораторъ будетъ столько слабъ и не словесенъ, что послѣ другаго о томъ же предметѣ ничего сказать не найдетъ?

Но изобрѣтенное нами пусть будетъ не лучше, и даже не сравняется: по крайней мѣрѣ, хотя нѣсколько приближится. Не повторяемъ ли мы часто своихъ собственныхъ выраженій объ одной и той же вещи? И не раждаются ли у насъ изъ такого повторенія новыя мысли? Когда состязуемся, такъ сказать, сами съ собою, почему съ другими сего не дѣлать? Если бы одинъ только былъ способъ говорить хорошо, то могли бы мы думать, что предшественный намъ путь вовсе загражденъ. Но мы имѣемъ безчисленныя средства, и многія дороги ведутъ къ той же цѣли. Краткость имѣетъ свои красоты, обиліе свои: иное хорошо выражается переносными, другое собственными рѣченіями. Индѣ нравится естественная простота, а индѣ приличная иносказательность. Самая наконецъ трудность сего упражненія приноситъ намъ великую пользу.

Да и не самое ли лучшее это средство ближе знакомиться съ великими Авторами? Ибо тогда не поверхностно пробѣгаемъ ихъ творенія, а разбираемъ въ подробности, и вовсе по нуждѣ вникаемъ: самая невозможность подражать имъ покажетъ ихъ достоинство.

Дѣлать подобные опыты не только надъ чужими, но и надъ своими сочиненіями полезно; избирая нарочно нѣкоторыя мѣста, перелагать ихъ различными образами въ стройнѣйшіе, сколько можно, періоды, такъ какъ на одномъ и томъ же кускѣ воску изображаются различные виды.

II. По моему мнѣнію, чѣмъ простѣе образецъ, избранный нами, тѣмъ болѣе способствуетъ успѣхамъ въ семъ упражненіи. Ибо въ многоразличіи предметовъ, лицъ, временъ, мѣстъ, сказаній, дѣйствій, слабость наша легко укрывается; ибо тутъ со всѣхъ сторонъ представится множество мыслей, изъ которыхъ любую можно обработать порядочно. Но вотъ прямое искуство: умѣть распространить что-либо по существу своему сжатое, увеличить малое, одинакому дать разнообразіе, обыкновенному пріятность, сказать хорошо и много о предметѣ сухомъ и маловажномъ.

Къ сему наиболѣе способствуютъ тѣ неопредѣлительныя *положенія* (quaestiones), которыя, какъ мы уже о томъ выше сказали, называются *Тезесами*, и которыми Цицеронъ, будучи уже первою особою въ Республикѣ, имѣлъ обыкновеніе заниматься.... Потомъ *общія мѣста*, надъ которыми и знаменитые Ораторы, какъ извѣстно, трудились. Ежели кто пріучится искусно обработывать сіи простые и никакихъ

отступленій не имѣющіе предметы, тому уже не трудно будетъ излагать и такіе, кои требуютъ многихъ околичностей и устраненій: онъ готовъ будетъ на судныя дѣла всякаго рода, поелику всѣ онѣ основываются на общихъ *положеніяхъ*. Ибо не въ томъ главное дѣло.... Законно ли убилъ Милонъ Клодія, и позволительно ли убивать того, кто покушается на жизнь нашу, или опаснаго для Республики гражданина, хотя бы онъ въ разсужденіи насъ и не имѣлъ такого намѣренія? Честно ли поступилъ Катонъ, отдавъ Гортензію свою Марцію; или прилично ли такое дѣло мужу благоразумному? Судъ относится на лица, а разбирательство дѣла на вещи.

Декламаціи же, какія сочиняютъ въ училищахъ Риторовъ, если только не отступаютъ отъ правдоподобія, а сходствуютъ съ настоящими судными рѣчами, весьма полезны не только для молодыхъ Ораторовъ, кои могутъ изъ нихъ заимствовать силу изобрѣтенія и расположенія; но и для тѣхъ, кои успѣхами своими пріобрѣли уже въ судахъ нѣкоторую славу. Ибо симъ, какъ нѣжнѣйшею пищею, поддерживается и удобряется Краснорѣчіе, и отъ непрерывной жесткости состязаній и споровъ утомленное, облегчается и оживляется.

Почему и обиліе историческаго слога иногда можетъ составлять часть сего упражненія,

иногда и вольность и простота обыкновенныхъ разговоровъ: не худо отъ времени до времени искать развлеченія и въ сочиненіи стиховъ: такъ какъ атлеты, освободясь на нѣкоторое время отъ необходимаго воздержанія въ пищѣ и отъ обыкновенныхъ упражненій, даютъ себѣ отдыхъ, и живутъ пороскошнѣе. По сему-то, мнѣ кажется, Туллій достигъ толь высокой степени въ Краснорѣчіи, что не пренебрегалъ и сихъ легкихъ, пріятныхъ занятій. Ибо, имѣя всегдашнимъ предметомъ однѣ тяжбы, по необходимости долженъ Ораторъ терять блескъ и гибкость ума; да и самая острота его отъ непрерывнаго противоборенія притупляется.

Но какъ Ораторовъ, судебными преніями занимающихся и будто въ непрестанной войнѣ находящихся, развеселяетъ и одобряетъ обиліе и пріятность Декламацій; такъ молодые люди не должны заниматься долго ложнымъ изображеніемъ вещей и пустыми призраками, дабы состарѣвшись почти въ такой мечтѣ, не было имъ трудно привыкать къ настоящимъ опасностямъ, которыхъ и вида страшиться будутъ. Сіе самое, какъ сказываютъ, случилось съ Порціемъ Латрономъ, первымъ знаменитымъ учителемъ въ Римѣ: объ немъ въ школахъ имѣли высокое мнѣніе; но какъ надобно ему было говорить въ судѣ, то онъ настоятельно просилъ, чтобы ска-

мейки, на коихъ садились присутствовавшіе, перенесены были въ (basilica) (*). Небо показалось для него столько ново, что все его красноречіе какъ будто ограничилось крышею и стѣнами.

Для чего юноша, который будетъ хорошо наставленъ отъ учителей въ правилахъ Изобрѣтенія и Слововыраженія (что дальнаго труда не требуетъ, когда учитель искусенъ), и пріобрѣтетъ уже нѣкоторую способность, долженъ избрать (таковъ былъ обычай у нашихъ предковъ) одного какого либо Оратора въ непремѣнный себѣ образецъ: прилѣжно посѣщать судилищныя мѣста, и, сколько можно, чаще бывать зрителемъ преній, на которыя самаго себя опредѣляетъ: потомъ дѣла, или тѣже, по коимъ разбирательство слышалъ, или и другія обработывать самъ въ ту и другую сторону; лишь толькобъ случаи были истинные, не вымышленные: и, по примѣру Гладіаторовъ, заниматься подлиннымъ и настоящимъ. Это лучше, нежели отвѣчать на судныя рѣчи Древнихъ, какъ сдѣлалъ Сестій, опровергая рѣчь, говоренную Цицеро-

*) базилика, которая находилась близь площади, похожа была на храмину, гдѣ Порцій давалъ уроки ученикамъ своимъ. Нѣкоторые думаютъ, что прежде суды производились подъ открытымъ небомъ.

номъ за Милона; ибо онъ не могъ всего дѣла знать изъ одного защищенія.

Но юноша вѣрнѣе успѣетъ въ семъ упражненіи, когда учитель заставитъ его въ сочиненіи Декламацій наиболѣе держаться правдоподобія, и излагать всѣ части дѣла: а нынѣ выбираютъ, что и легче и виднѣе. Вредитъ также успѣхамъ, какъ я сказалъ во второй книгѣ, слишкомъ большое число учениковъ, обычай въ извѣстные дни читать торжественно Декламаціи, и при томъ заблужденіе родителей, кои смотрятъ болѣе на число, нежели на достоинство сочиненій. Но какъ я уже сказалъ, если не ошибаюсь, въ первой книгѣ, что честный и благонамѣренный наставникъ не обременитъ себя числомъ учениковъ выше силъ своихъ: будетъ очищать писаніе ихъ отъ всякаго пустословія, такъ чтобъ они держались только своего предмета, не вводя въ него ничего посторонняго, какъ нѣкоторые дѣлаютъ: или дастъ имъ болѣе времени на сочиненіе задачи, позволитъ раздѣлять ихъ на части. И одна статья, съ прилѣжаніемъ обработанная, принесетъ пользы болѣе, нежели многія, только съ небреженіемъ начатыя и конченныя. По сему-то случается, что ничего и на своемъ мѣстѣ не бываетъ, и чему должно быть въ началѣ, то ставится инуды; ибо ученики, по молодости своей, цвѣточки изъ

всѣхъ частей стараются помѣщать въ одну ту, которая для произношенія имъ назначена: а отъ того и происходитъ, что, боясь потерять изъ виду послѣдующее, приводятъ въ безпорядокъ все предъидущее.

ГЛАВА VI.

О РАЗМЫШЛЕНІИ. (Cogitatio).

Размышленіе весьма близко подходитъ къ письму: оно и силы свои получаетъ отъ письма, и между упражненіемъ въ сочиненіи и между удачею говорить, не готовясь, составляетъ нѣчто среднее. Впрочемъ едва ли есть что нибудь, чѣмъ бы чаще мы занимались. Писать не вездѣ и не всегда можемъ: для размышленія же и мѣста и времени у насъ гораздо болѣе. Оно въ нѣсколько часовъ объемлетъ все и самое обширное дѣло. Даже нощною темнотою, когда сонъ нашъ прерывается, оно безпрепятственно пользуется. Оно и между дневными обыкновенными занятіями находитъ для себя довольно досуга, и никогда не бываетъ праздно. Не только порядокъ въ мысляхъ внутренно учреждаетъ, что̀ уже само по себѣ важно; но прибираетъ выраженія, и цѣлую рѣчь составляетъ такъ, что написать лишь остается. Ибо всегда тверже запечатлѣвается въ памяти то, что удержать, безъ помощи пера и бумаги, заботимся.

Но сія способность размышлять пріобрѣтается не вдругъ или въ короткое время. Над-

лежитъ вопервыхъ, посредствомъ прилѣжнаго упражненія, составить для себя извѣстный въ слогѣ образъ, который бы не оставлялъ насъ и при размышленіи: потомъ пріучать себя мало по малу помѣщать въ умѣ сперва небольшое число понятій, которыя выразить съ точностію можемъ; за тѣмъ прибавлять ихъ постепенно и съ такою умѣренностію, чтобы трудъ сей не былъ слишкомъ ощутителенъ; наконецъ укрѣплять себя въ томъ частымъ упражненіемъ; правду сказать, здѣсь наибольшая часть зависитъ отъ памяти: по чему я почелъ за нужное сказать о семъ нѣчто пространнѣе на другомъ мѣстѣ. Однако и изъ того, что я сказалъ теперь вкратцѣ, выразумѣть можно, что Оратору, если только не воспрепятствуетъ природная неспособность, не трудно, при помощи неутомимаго тщанія, достигнуть до такого навыка, что все расположенное въ мысляхъ произнесетъ также вѣрно, какъ бы то было написано и наизусть выучено. Цицеронъ увѣряетъ, что между Греками Метродоръ и Ерифилъ Родосскій, а между Римлянами Гортенсій, читали слово въ слово, что прежде не писавъ, въ головѣ расположили.

Но ежели въ самое время произнесенія рѣчи встрѣтится вдругъ какая нибудь новая мысль, то не надобно строго и неизмѣнно держаться первой, въ умѣ уже предположенной. Ибо надле-

жить иногда давать мѣсто и счастливому случаю: часто въ сочиненіе, рачительно выработанное, удачно вмѣшиваются красоты, невзначай вырывающіяся. Почему весь родъ сего упражненія должно располагать такъ, чтобъ и отступать отъ него, и опять возвращаться къ нему не встрѣтилось затрудненія. Ибо какъ первое попеченіе наше состоитъ въ благовременномъ приготовленіи: такъ была бы величайшая глупость отвергать дары случая и обстоятельствъ. Словомъ, размышленіе должно устремляться на то, чтобы счастіе не обмануть, а помочь намъ могло.

А чтобъ расположенныя такимъ образомъ въ головѣ мысли текли свободно, и чтобы не было примѣтно въ насъ недоумѣнія, нерѣшимости или запинокъ, сіе зависитъ отъ твердости памяти: въ противномъ случаѣ, простительнѣе, по мнѣнію моему, отвага неприготовившагося Оратора, нежели несообразимость въ размышленіи. Ибо нѣтъ ничего хуже, какъ усиливаться вспомнить то, что̀ забыли: ища прежнее, опускаемъ, что̀ вновь представляется, и тогда черпаемъ мысли изъ памяти болѣе, нежели изъ самаго предмета. Но если должно заимствовать изъ обоихъ сихъ источниковъ, то гораздо больше найти можно, нежели сколько найдено.

ГЛАВА VII.

О СПОСОБНОСТИ ГОВОРИТЬ, НЕ ГОТОВЯСЬ. (Ex tempore).

I. Сколь полезна и нужна она. II. Какъ пріобрѣтается. III. Какъ сохраняется.

I. Способность говорить, не готовясь, есть плодъ ученія и какъ бы величайшая за долговременный трудъ награда. Кто пріобрѣсти ее будетъ не въ силахъ, тому лучше, по моему мнѣнію, отказаться отъ судебныхъ дѣлъ, а одну способность писать обратить на что-либо иное. Ибо человѣку добросовѣстному едва ли прилично обѣщать другимъ помощь, которой подать, ни при какой нечаянной опасности, онъ не въ состояніи: это было бы тоже, что показывать только пристанище, въ которое войти корабль не иначе можетъ, какъ при тихомъ вѣтрѣ. И дѣйствительно встрѣчается множество нечаянныхъ случаевъ, гдѣ нужно Оратору, не готовясь, говорить предъ судіями. Итакъ когда угрожаетъ нечаянное бѣдствіе, не говорю кому-либо изъ до-

брыхъ гражданъ, но изъ нашихъ друзей или родственниковъ, требующихъ отъ насъ неукоснительной помощи, останемся ли нѣмы при видимой ихъ гибели, и будемъ ли искать уединенія и тишины, дабы написать прежде рѣчь, потомъ ее выучить наизусть, а послѣ уже произнести съ обыкновеннымъ приготовленіемъ? Словомъ, ничто не извиняетъ Оратора, не помышляющаго противостать съ твердостію подобнымъ случаямъ.

Что̀ съ нимъ будетъ, когда вдругъ понадобится отвѣчать сопротивнику? Ибо и придуманное нами, и самое то, противъ чего мы писали, часто никуда не годится, поелику положеніе всего дѣла можетъ въ одну минуту измѣниться. Кормчій управляетъ кораблемъ, смотря на погоды: Оратору надлежитъ также умѣть приноравливаться ко многоразличію судебныхъ дѣлъ. Да и къ чему послужило бы намъ прилѣжное упражненіе въ писаніи, непрерывное чтеніе и долговременное ученіе, если бы мы останавливались на тѣхъ же затрудненіяхъ, какія встрѣчаются начинающимъ. Подъятые труды, безсомнѣнія, были бы тщетны, если бы надлежало навсегда отказаться отъ дальнѣйшихъ успѣховъ. Впрочемъ, я не вмѣняю въ должность Оратора говорить, не готовясь; желательно только, чтобъ онъ могъ то дѣлать.

*

Н. А до сего достигнуть вотъ какимъ образомъ можно. Вопервыхъ надобно имѣть въ умѣ извѣстное расположеніе рѣчи. Ибо нельзя не заблудиться, если не будемъ знать прежде, къ какой цѣли и какою дорогою идти должно. Еще недовольно того, чтобы вѣдать, изъ какихъ частей состоитъ судебная рѣчь, или расположить всѣ статьи по ихъ порядку, хотя это и есть главное дѣло; но надобно умѣть давать каждой мысли приличное мѣсто: иной первое, другой второе, и такъ далѣе; онѣ между собою требуютъ толь тѣсной связи, что переставить или прервать ихъ, безъ ощутительнаго смѣшенія, невозможно. Кто хочетъ слѣдовать прямымъ путемъ, тотъ долженъ руководствоваться самымъ порядкомъ вещей: по сему-то люди, даже безъ дальной опытности, весьма легко сохраняютъ постепенность въ своихъ повѣствованіяхъ. Во вторыхъ нужно знать, чего и на какомъ мѣстѣ искать, дабы не сбиваться отъ своего предмета, и не смущаться вновь представляющимися мыслями: и дабы не перескакивать туда и сюда, нигдѣ не останавливаясь. Напослѣдокъ, потребно наблюдать мѣру и предѣлъ; чего, безъ пристойнаго раздѣленія въ рѣчи, никакъ достигнуть не можно. Сказавъ по возможности силъ все то, о чемъ говорить предположили, должны подвигъ свой почитать уже оконченнымъ.

Все сіе пріобрѣтается наукою: но уже отъ собственнаго нашего раченія зависитъ обогатиться лучшими выраженіями и оборотами въ словѣ, слѣдуя правиламъ, отъ насъ уже предписаннымъ. Отъ частаго и внимательнаго упражненія, слогъ нашъ сдѣлается таковымъ, что даже и безъ приготовленія произнесенная рѣчь будетъ походить на обработанное сочиненіе: кто много писалъ, тому не трудно объясняться; ибо удобство сіе раждается отъ упражненія и навыка: но если прервать ихъ хотя на короткое время, то не только бѣглость ума становится медленнѣе, но и всю душу нѣкоторое оцѣпенѣніе объемлетъ.

Хотя потребна нѣкоторая природная живость ума къ тому, чтобы говорить и въ туже минуту мыслить, что далѣе сказать должно, и чтобы за каждымъ произнесеннымъ періодомъ послѣдовала всегда новая и приличная мысль; однако природа и правила науки едва ли могутъ приспособить сами собою разумъ нашъ къ толь многообразнымъ упражненіямъ, то есть, чтобы въ одно время успѣвалъ изобрѣтать, располагать, выражать, соглашать мысли съ словами, заниматься тѣмъ, что говоримъ, что говорить надобно, и чему за симъ слѣдовать должно, и кромѣ того обратить вниманіе на голосъ, выговоръ, тѣлодвиженіе. Ибо надлежитъ издалека предва-

рять предметы, и ихъ предупреждать; обнять мыслію и то, что̀ сказано, и что̀ напослѣдокъ сказать остается: такъ что прежде нежели достигнемъ конца, нужно все обозрѣть постепенно, дабы не останавливаться, не запинаться и каждое слово произносить непріятнымъ образомъ и съ трудомъ, подобно заикамъ.

Итакъ есть нѣкоторый навыкъ, гдѣ не участвуетъ размышленіе: навыкъ, коимъ рука движится въ писаніи, коимъ глаза въ чтеніи видятъ вдругъ цѣлыя строки, ихъ направленіе и переносы и связи, и предъидущее видятъ прежде, нежели произнесемъ послѣдующее. На томъ же точно основаны диковинки фигляровъ; брошенная ими, кажется, вещь опять у нихъ появляется, или гдѣ велятъ, тамъ оказывается.

Но сей навыкъ хорошъ и полезенъ только тогда, когда предшествовали ему правила, о которыхъ мы говорили: такъ чтобы и то самое, что̀ отступаетъ, по видимому, отъ оныхъ, было однакожъ на нихъ основано. По мнѣнію моему, тотъ не Ораторъ, кто говоритъ безъ расположенія, безъ украшенія и безъ должной полноты словов ыраженія. Я не дивлюсь также и тѣмъ обильнымъ въ изъясненіяхъ выходкамъ, какія бываютъ при волненіи сильныхъ страстей или при нечаянномъ случаѣ: я вижу, что даже у подлыхъ бабъ, когда онѣ бранятся, слова льются

рѣкою. Но иногда жаръ и восторгъ чувствованій влагаютъ въ уста краснорѣчіе; и часто случается, что и выработанная съ прилѣжаніемъ рѣчь со внезапною рѣчію сравниться не можетъ; и въ семъ-то случаѣ древніе Ораторы, по сказанію Цицерона, говаривали, что вѣщало божество языкомъ человѣка.

Но причина сему очевидна. Ибо страсти, живо ощущаемыя, и свѣжія изображенія вещей непрерывнымъ стремленіемъ обнаруживаются, а медленностію письма сочиненія охлаждаются, и спустя свое время, къ намъ уже не возвращаются. Когда же принуждены будемъ останавливаться на выборѣ словъ, тогда жаръ и стремительность пропадаютъ. Почему надлежитъ избирать сіи вещей изображенія, называемыя *фантазіями*, о которыхъ я говорилъ, и о коихъ въ послѣдствіи говорить будемъ, то есть, не упускать изъ виду ни лицъ, ни предметовъ, имѣть предъ глазами надежду, страхъ, дабы сіи изображенія придавали слову нашему бо́льшую живость. Ибо сила чувствованій дѣлаетъ насъ краснорѣчивыми. По сейто причинѣ самые невѣжды находятъ довольно словъ для своего объясненія, когда движутся какою ни есть страстію. Тогда уже надобно устремлять вниманіе не на одну какую нибудь вещь, но на многія вдругъ совокупно: точно такъ, какъ, направивъ взоръ по прямой дорогѣ,

все, что на ней и около ея находится, окидываемъ глазомъ, и видимъ не послѣдній только предметъ, а всѣ даже до послѣдняго.

Стыдъ запинаться или сбиваться въ рѣчахъ, равно какъ ожиданіе похвалы, служатъ также немалымъ подстрѣканіемъ Оратору: и дивно показаться можетъ, что для сочиненія выбираемъ обыкновенно мѣсто уединенное, и не терпимъ свидѣтелей; напротивъ, когда доведетъ случай говорить вдругъ, не готовясь, тогда присутствіе великаго числа слушателей вселяетъ болѣе бодрости, какъ воину воззрѣніе на собранныя вмѣстѣ и распущенныя знамена предъ сраженіемъ. Ибо тогда нужда объясниться даетъ бо́льшую дѣятельность самому медленному уму, заставляетъ находить мысли и слова, а желаніе нравиться еще увеличиваетъ наши усилія. И дѣйствительно, награда во всякомъ случаѣ такъ желательна, что и краснорѣчіе, хотя само собою приноситъ величайшее удовольствіе, однако не отвергаетъ похвалы и чести, какъ настоящаго плода трудовъ, нами прежде понесенныхъ.

Никто не долженъ излишно полагаться на свой разумъ, и думать, что способность сію скоро и легко пріобрѣсть можно; я повторю здѣсь сказанное мною о размышленіи: она также отъ слабыхъ началъ приходитъ мало по малу въ совершенство, которое и снискиваемъ и со-

храняемъ посредствомъ непрерывнаго упражненія. Надлежитъ лишь стараться, чтобы обдуманные предметы были только надежнѣе, а не лучше предметовъ, изображенныхъ безъ предварительнаго приготовленія. Неоцѣненный даръ изъясняться такимъ образомъ не только въ прозѣ, но и въ стихахъ, имѣли многіе, какъ-то Антипатръ Сидоній и Лициній Архія. Надобно повѣрить свидѣтельству Цицерона: да и въ наши времена мы видѣли и видимъ подобныхъ стихотворцевъ; но я почитаю сіе не столько достойнымъ подражанія (ибо въ томъ ни пользы, ни нужды не нахожу), сколько способнымъ примѣромъ для ободренія тѣхъ, кои готовятъ себя къ должности Ораторовъ.

Но я не разумѣю здѣсь того на способность свою самонадѣянія, чтобы не употреблять по крайней мѣрѣ краткаго времени, какое всегда почти бываетъ, на размышленіе о томъ, о чемъ говорить намѣреваемся: на что въ судилищахъ и народныхъ собраніяхъ дается извѣстный срокъ. Ибо нѣтъ никого, кто бы, не обдумавъ дѣла, могъ изложить, какъ должно. Нѣкоторые только Декламаторы, возбуждаемые тщеславіемъ, объявивъ кратко предметъ своей рѣчи, тотчасъ и ни сколько не помысля, приступаютъ къ объясненію онаго: и, что еще всего смѣшнѣе, спрашиваютъ, съ какого слова начать прикажутъ

имъ слушатели. Но краснорѣчіе посмѣвается надъ таковыми оскорбителями своего достоинства: и тѣ, кои глупымъ хотятъ казаться умными, умнымъ кажутся глупыми.

Ежели однако нечаянный случай заставитъ говорить безъ всякаго приготовленія, то потребна большая оборотливость ума, и все вниманіе должно быть обращено на предметъ, на вещи, съ пожертвованіемъ чистоты въ выраженіяхъ; если не льзя будетъ вмѣстѣ и тѣмъ и другимъ заниматься. Тогда ищи себѣ пособія въ медленнѣйшемъ произношеніи и въ выговорѣ нѣсколько протяжномъ, но такъ, чтобъ все это имѣло видъ размышленія, а не запинокъ, происходящихъ отъ прямаго недоумѣнія. Вотъ что можно дѣлать, когда выходимъ изъ пристанища, если вѣтръ будетъ обуревать корабль, недовольно еще приведенный въ безопасное положеніе: потомъ, мало по малу продолжая путь, поднимаемъ парусы, принаравливаемъ канаты, и ожидаемъ попутнаго вѣтра. Сіе средство есть гораздо надежнѣе, нежели увлечься потокомъ пустыхъ словъ и выраженій, и удалиться отъ предположенной цѣли.

III. Но не меньшаго труда стоитъ сохранить, какъ и снискать сію способность. Ибо правила какой нибудь науки, однажды затверженныя, остаются въ памяти; слогъ также мало

терпитъ, когда на время отлагаемъ наши письменныя занятія: но способность говорить по востребованію нужды или случая, однимъ упражненіемъ сохраняется. Итакъ всего лучше стараться каждодневно излагать какой ни есть предметъ въ присутствіи многихъ особъ, а паче такихъ, коихъ вкусомъ и мнѣніемъ дорожимъ наиболѣе; ибо рѣдко кто самъ себя довольно остерегается: и даже совѣтую заниматься симъ и безъ свидѣтелей, чтобы не лишиться происходящей отъ того пользы.

Есть и еще способъ упражняться въ размышленіи, и обработывать предметъ свой въ молчаніи отъ начала до конца, какъ бы говоря съ самимъ собою: сіе можно дѣлать во всякое время и на всякомъ мѣстѣ, ежели только другимъ чѣмъ мысли наши не заняты: и этотъ способъ полезнѣе вышепоказаннаго. Ибо тогда рачительнѣе и точнѣе соображаемъ понятія, нежели при первомъ, гдѣ непрерывно продолжать рѣчь обязаны. Но въ замѣнъ того здѣсь получается иная выгода: очищается голосъ, развязнѣе языкъ становится, исправляется тѣлодвиженіе; я уже сказалъ, что и пристойное размахиваніе и самое притопываніе производятъ дѣйствіе надъ Ораторомъ; онъ отъ того дѣлается живѣе, стремительнѣе, наподобіе льва, который удареніемъ хвоста по собственному тѣлу, какъ

сказываютъ, возбуждаетъ себя къ бо́льшей ярости.

Словомъ, надлежитъ снискивать навыкъ учиться всегда и вездѣ. Да и не бываетъ у насъ почти ни одного дня столько занятаго, чтобы не льзя было упрочить нѣсколько минутъ или на сочиненіе, или на чтеніе, или на изустное изложеніе какого нибудь предмета отборнѣйшими словами. Такъ, по сказанію Цицерона, дѣлалъ Брутъ неопустительно. И Кай Карбонъ не оставлялъ сего упражненія даже въ воинской своей палаткѣ. Я не долженъ умолчать и о томъ, что̀ также Цицеронъ совѣтуетъ не позволять себѣ ни малой небрежности въ рѣчахъ нашихъ: что и гдѣ бы мы ни говорили, должно быть, по возможности, совершенно.

Однако не надобно никогда писать болѣе, какъ сколько потребуетъ необходимость много говорить, не готовясь. Ибо такимъ образомъ соблюдется сила нашихъ словъ, и поверхностная легкость выраженій получитъ больше основательности. Такъ садовники обрѣзываютъ у виноградной лозы верхніе корни, коими бы она только на поверхности земли держалась, а оставляютъ нижніе, чтобъ они, углубляясь, болѣе утвердились. Впрочемъ не знаю, если въ томъ и другомъ рачительно упражняться станемъ, не найдемъ ли въ сихъ упражненіяхъ и того взаимнаго

пособія, что письмомъ усовершимся въ словѣ, а словомъ пріобрѣтемъ удобность, легкость въ письмѣ. Итакъ надобно писать неопустительно, когда есть на то время: ежели нѣтъ, то размышлять должно: а когда ни того, ни другаго сдѣлать не льзя, по крайней мѣрѣ надлежитъ стараться, чтобъ ни Ораторъ истощеннымъ, ни истецъ оставленнымъ не показался.

Но тѣ, кои много судныхъ дѣлъ вдругъ на себя принимаютъ, записываютъ обыкновенно мѣста нужнѣйшія, и особливо приступы или начала обдуманныхъ статей: прочее держатъ только на памяти, и всякую нечаянность отражаютъ на удачу. Такъ дѣлалъ Туллій, что и записки его показываютъ. Но мы имѣемъ и другія подобныя записки въ толь исправномъ порядкѣ, въ какомъ, можетъ быть, произнести ихъ готовился сочинитель. Таковы записки Сервія Сульпиція, послѣ коего остались три рѣчи. И тѣ, о которыхъ я говорю, такъ исправны, что кажутся мнѣ сочиненными для потомства. Ибо записки Цицерона, для настоящаго только употребленія составленныя, дошли до насъ уже сокращенными Тирономъ, его отпущенникомъ: я ихъ симъ извиняю не потому, чтобы не одобрялъ ихъ, но чтобы представить болѣе достойными удивленія.

Я совершенно согласенъ на сіи краткія замѣчанія главныхъ статей въ рѣчи; даже можно имѣть ихъ въ рукахъ и въ случаѣ нужды на нихъ взглядывать. Но отнюдь не одобряю совѣта Ленаса, чтобъ изъ написаннаго дѣлать извлеченіе и раздѣлять на главы. Ибо сія самая надѣянность вселяетъ нѣкоторую безпечность, и рѣчь наша будетъ безъ связи и пріятности. По моему мнѣнію, не должно писать того, что въ памяти удержать можемъ. Ибо часто случается, что мысль наша невольно обращается на написанное и выработанное, и не оставляетъ намъ испытать предлежащаго счастія. Тогда духъ между тѣмъ и другимъ колеблется, теряя написанное, и не ища новаго. Но въ слѣдующей книгѣ опредѣлена особая глава, гдѣ будетъ говорено о Памяти; здѣсь ничего о семъ не помѣщаю потому, что нужно прежде инымъ заняться.

ПОПРАВКИ КО 2-й ЧАСТИ.

Стран.	строк.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
1.	16.	расиоложила	расположила
—	19.	по	по-
30.	25.	под	под-
34.	23.	затѣмняютъ	затемняютъ
53.	20.	нохвалы	похвалы
95.	4.	соглались	согласились
125.	6.	быиь	быть
134.	3.	παῤῥησια.	παῤῥησία
144.	7.	совсѣм	совсѣмъ
161.	23.	чно	что
162.	21.	ισόκωλον	ἰσόκωλον
189.	5.	Бахій	Бакхій
193.	1.	некогда	нѐкогда
—	2.	принебрегши	пренебрегши
195.	2.	печего	нѐчего
197.	18.	асли	если
220.	26.	ему	ему,
242.	25.	своmъ	своемъ
250.	6.	пристращатьси	пристращаться
312.	12.	кто,	кто будетъ порицать,
331.	16.	нерадепіе	нерадѣніе
333.	20.	Сардинецъ презираетъ	Сардинцевъ презираетъ,
338.	5.	зависила	зависѣла
340.	26.	намекаетъ,	намѣкаетъ
—	28.	и	или
341.	3.	разпространилъ	распространилъ
343.	26.	съ	въ
347.	17.	Урсисъ	Урсусъ
351.	12.	нерадепіе	нерадѣніе

Стран.	строк.		
352.	16.	силы прибавляется,	силы,
389.	9.	произносить	произносятъ
422.	2.	открываетоя	открывается
428.	10.	человѣками.	человѣками?
432.	7.	затменія	затмѣнія
—	11.	Орашора	Оратора
—	21.	Ификою	Иѳикою
447.	18.	не боишся	не боится
455.	19.	о своемъ	о его
458.	16.	безвомѣздія	безъ возмездія
465.	1.	Какъ	Какъ врачъ
476.	6.	стои́тъ	сто́итъ
488.	7.	V	Ѵ
490.	20.	къ словамъ	съ словами